

НОЧНАЯ ТИШЬ

Мёртвая

РОМАН

18+

Annotation

Книга начинается событием, которым, как правило, все заканчивается – смертью. Смертью Арины Авзаловой. Она погибла, упав с двенадцатиэтажки – в городе этот дом прозвали Кричащей башней. Смерть Арины вызвала смятение среди близких ей людей – сестра, лучшая подруга, Аринкин парень понятия не имеют, что могло привести Арину – успешную во всех отношениях – к такому страшному концу. Кто же все-таки виноват в ее смерти? Лучшая подруга Настя хочет выяснить, что же происходило с Аринкой накануне гибели, и одновременно пытается сохранить темные тайны, которые окутывали Аринкину жизнь. Ведь за внешним фасадом красавицы и умницы скрывалась настоящая хищница, готовая идти по трупам ради своей цели. Даже умершая, Аринка продолжает влиять на жизнь своих близких, так на самом ли деле она мертва?

Ночная Тишь

Мертвая

Глава 1

Мать ушла в ночную смену.

Понимаю это, взглянув на часы – время давно за полночь. Выбравшись из кровати, иду к окну и смотрю во двор – он пуст, совершенно безлюден. Три машины на крошечной парковке, пара горящих фонарей, свет которых превращает снег в желтую, словно залежалую вату.

Не включая света, заворачиваюсь в тяжелое синтепоновое одеяло и иду на кухню.

Спать не хочется. Смотреть телек, зажигать свет, есть или пить чай – тоже. Чем еще занимаются люди по ночам, когда им не спится? Пишут в дневник, рисуют в блокноте. Может, подготовиться к завтрашнему зачету, почитать лекцию? Первый зачет в моей жизни, как никак.

В кухне сажусь на стул у окна – мое любимое место во всей нашей крохотной однокомнатной квартире. Хрущевка – вот как они называются, такие квартиры, как у нас с матерью. Я недавно узнала об этом. Услышала, как мать рассказывала кому-то по телефону, мол: «Дела ужасно, живем в хрущевке». Я загуглила, оказалось, такие дома строили в конце 50-х, и они носили характер временного жилища, типа, проживут люди лет пятнадцать, пока Советский Союз идет к светлому будущему, а потом уж партия всех обеспечит просторным жильем. С тех пор прошло пятьдесят и пятнадцать лет, а мы все надеемся.

Единственную комнату мы с мамой разделили. Дальнюю стену и метра полтора от нее отгородили шкафом, дверцами – в большую часть. Так я получила себе закуток. Туда как раз влез маленький диванчик, выдвигающийся вперед, и узкий компьютерный столик. На него я поставила ноутбук, но почти не открывала его – смотреть любимые сериалы почему-то желания не было. К задней стенке шкафа я прикрепила присосками легкую пластмассовую полочку, на которую собиралась поставить всякие приятности из прошлой жизни: шкатулку из Кипра с большой ракушкой на крышке, мою фотку на фоне старинного замка в Эдинбурге (в девятом классе я просто бредила Шотландией), но полка так и осталась пустой.

В квартире холодно, и я зажигаю горелку на плите, чтобы хоть немного согреться. Потому и люблю этот стул у крошечного кухонного стола – он стоит у окна и рядом с плитой. Можно смотреть на улицу и наслаждаться теплом.

Холод в квартире от того, что на окнах деревянные рамы, и в щели прямо-таки задувет ледяной ветер. Я никогда не видела таких окон – не пластиковых. Мать сказала, что такие щели нужно затыкать ватой и клеить специальной бумагой. Понятия не имею, что это за процесс такой, мать говорит, что умеет, они так делали раньше.

Говорит, что умеет, но никак не заткнет.

Немного согрившись, я иду к холодильнику и достаю бутылку водки. Подумав, достаю еще тарелку, завернутую в полиэтиленовый мешочек – там остатки нарезки к завтраку: несколько кружков колбасы, сыра и соленого огурца. Ставлю на стол, нашариваю в шкафу с посудой рюмку.

Я уже настолько согрелась, что можно не кутаться в одеяло, и я позволяю ему сползти с плеч, уминаю локтями, устраиваясь поудобнее – теперь я будто сижу в синтепоновом гнезде.

Отвинчиваю крышку, наполняю рюмку и быстро, не думая, выпиваю. В первую секунду у меня ощущение, будто я глотнула одеколону. Резкий запах напомнил вкус коньяка, который мы с двоюродной сестрой пили на мое восемнадцатилетие прошлой весной – на секунду в глаза брызнули огни ночного клуба и мелькание танцующих теней. Но я быстро отбросила

все воспоминания. Я не возвращаюсь в прошлую жизнь с тех пор, как мы сюда переехали. Даже «инстаграм» удалила.

Заедаю соленым огурцом, и неприятный лекарственный привкус отпускает.

Огурцы нам притащила соседка. Они с матерью подружились еще летом, почти сразу, после нашего переезда, она в курсе наших бед и почему-то решила, что мы в придачу еще и голодаем. С осени начала подкармливать нас урожаем со своей дачи. Мать говорит, что весной мы будем ей там помогать. Этого только не хватало.

Я наливаю вторую рюмку и выпиваю, стараясь не вдыхать противный запах.

Третья рюмка идет, что называется, как к себе домой. Хрущу огурцом, оглядываю унылый двор. Я все еще плохо знаю этот город, но, по-моему, мы живем в худшем его районе. Только переехав сюда, в Арслан, я поняла значение фразы «провинциальный городишко». Нет, до этого мы жили тоже не в столице, но, по крайней мере, в столице большого региона, а этот город – он даже здесь, в провинции, считается провинцией. Один завод, два торговых центра и полузаброшенный железнодорожный вокзал – ничего, кроме пригородных электричек через него не ходит.

Я отворачиваюсь от окна и понимаю, что картинка перед глазами начинает слегка дергаться. Кажется, что диапазон зрения сужается, словно я напялила средневековый рыцарский шлем, и смотрю через прямоугольную щель. Наверное, если я попробую встать, то тут же грохнусь на пол. Я знаю, так бывает с крепким алкоголем – ты сидишь за столом, хлещешь одну за другой, чувствуешь себя совершенно трезвой, а потом встаешь, и пол встает тоже. Быть пьяной – дурацкое чувство. Но я снова тянусь за бутылкой. Рюмки уже не считаю.

Думаю, надо бы включить свет, иначе пролью мимо, придется вытирать, а растертая по полу водка будет вонять на всю квартиру несколько дней.

Встаю и иду к выключателю. Первую секунду жмурюсь от света. Никогда не замечала, что единственная лампочка, не прикрытая даже каким-нибудь колпаком, горит так ярко.

Проморгавшись, я поворачиваюсь к столу, и вижу, что за ним сидит Аринка.

– Лучше выключи, – говорит она и прикрывает глаза ладонью. Я тут же выключаю. Темнота на секунду становится полной, я уверена, что если я снова щелкну выключателем, то Аринки за столом уже не будет. Это и называется «словить белочку»?

Мой взгляд впивается в черноту того угла, где при свете я увидела Арину – по другую сторону стола, напротив моего синтепонового гнезда. Сквозь темноту квартиры в окно постепенно проникает желтый свет фонарей – я начинаю различать бесформенную кучу одеяла на табуретке, блик на своей рюмке, синий цветок газа и... ее силуэт. Сквозь мрак зимней ночи проступает белизна ее волос – длинных, как у русалки, сложенные на столе руки – кисти выглядывают из рукавов черной водолазки, может, именно на ее фоне я так четко вижу длинные призрачные пряди. Но лучше всего я вижу, как в темноте блестят ее глаза – зеленые, точно у кошки.

– Арин... – зову я шепотом.

– Что? – отвечает она тоже шепотом.

– Это правда ты?

Она тихо смеется, а я все еще не решаюсь подойти. Почему меня так пугают ее длинные белые волосы, тянущиеся вдоль тела, точно серый мох по стволу дерева?

– Как ты зашла?

– А ты думала, одна будешь тут расслабляться под водочку с огурчиками? Доставай рюмку! Это сейчас прямо то, что доктор прописал.

Я открываю шкафчик с посудой, нащупываю рюмку и подхожу к столу. Глаза совсем привыкли к темноте, но Аринкин силуэт по-прежнему нечеткий. Сталкиваю одеяло со своего стула и, наконец, сажусь. Не сводя глаз с Аринкиного силуэта, беру бутылку и разливаю уже в две рюмки. Двигаю тарелку на середину стола, ставлю рюмку поближе к бледным пятнам ее запястий.

– Ну, – говорит Арина, – за тебя, Настька!

Мы выпиваем. По крайней мере, я. Никакого движения в противоположном углу я не замечаю.

– Злишься на меня? – спрашивает шепот из противоположного угла.

– Я – на тебя?! – от удивления аж перестаю жевать и перехожу на полный голос. Темнота вздыхает, и я вижу, как шевелятся призрачные пряди – наверное, Аринка трогает волосы, подкручивая едва выраженные локоны. Этот ее жест был таким привычным, что я на секунду увидела ее во мраке.

– Да, а что ты удивляешься? – отвечает Аринка. – Мы лучшие подруги, а между лучшими подругами всегда накапливается куча обид и непоняток. К тому же, я та еще сучка.

Она смеется, и меня тоже начинает распирает от какого-то истерического хохота. Но я сдерживаюсь.

– Не злись, Насть... – шепчет подруга, и в ее тихом голосе я улавливаю просящие нотки. Редкий случай.

– И ты на меня, – выдавливаю я. До меня начинает доходить, что, скорее всего, никакой Аринки напротив меня не сидит. Либо я сейчас сплю, уткнувшись носом в кухонный стол, либо, пьяная вдрызг, разговариваю с пустотой. Наружу снова начинает рваться гиенский гогот.

– Все равно нам было классно, да? – говорит Аринка, и я послушно киваю. Она, кажется, улыбается.

– Я не собираюсь просить прощения, да и выпрашивать – тоже, – задумчиво добавляет шепот. – Хрен с ним. Прощение – это дело времени, в раз нельзя сесть, поднатужиться и простить. Даже если ты сейчас скажешь, что прощаешь меня, я тебе не поверю.

– Да тебе и не за что просить... – бормочу я.

Темнота снова вздыхает, да так глубоко, что я чувствую Аринкино дыхание. Оно холодное, как сквозняк, тянущийся из щелей в окнах нашей квартиры.

Собравшись с духом, я решаюсь на свой вопрос:

– Арин, ты точно настоящая? Я что, отключилась, когда ты пришла?

– Я пришла, потому что решила тебе помочь. И дело совсем не в том, как я жила, и что творила, и не потому, что я в чем-то раскаиваюсь. Я здесь ради них – всех других девушек...

– Что-то ни фиги не пойму...

– Тихо! – перебил меня шепот, и теперь я точно узнавала в нем голос Аринки. – Слушай, Настя. Ты понятия не имеешь, во что ввязалась. Во что я тебя вгянула, бедная моя девочка... Сегодня я выпустила на волю чудовище.

Пьяный бред. МОЙ пьяный бред. Голос был аринкин, но слова – точно не ее.

– И разбираться со всем этим придется тебе, – твердо говорит моя подруга.

– Слышишь меня? – голос переходит на крик. Я вздрагиваю, темнота вокруг меня стала плотной, почти осязаемой. И внезапно из этого мрака появилось лицо Аринки – близко, нос в нос к моему. Оно болталось в этой темноте – только лицо, без тела, как овальный воздушный шарик. И кричало:

– Останови это чудовище, слышишь? СЛЫШИШЬ?

Аринка начинает визжать, и этот дребезжащий визг наполняет всю квартиру, я пытаюсь закрыть уши, глаза, но не могу даже пошевелиться.

И просыпаюсь.

***

Кто-то трезвонит в дверь.

У нас что, есть звонок? Да еще и такой мерзкий. Встаю из-за стола, ноги путаются в одеяле, которое валяется на полу. Автоматически выключаю газ – воздух в кухне, да и, кажется, во всей квартире, стал сухим и таким жарким, что хочется открыть окно.

Снова длинная трель звонка.

Выбираюсь из одеяла и падаю. Вскликаю, шлепаю себя по щекам, пытаюсь окончательно проснуться, добираюсь до выключателя и зажигаю свет.

В кухне никого нет, на столе – ополовиненная бутылка водки и тарелка с одиноким кусочком сыра. Интересно, сколько время. Судя по темноте – все еще глубокая ночь.

На очередной визг звонка я ору:

– Да иду, блин, иду!

В маленькой прихожей зажигаю бра над зеркалом, и, даже не спросив, кто там, поворачиваю собачку замка и открываю дверь.

В первый момент я ее не узнаю. Всклоченные волосы, расстегнутая куртка, распухшее лицо. Она говорит что-то своему спутнику – рыжеволосому парню, которого я точно видела впервые, потом поворачивается, и я, наконец, вижу залитое слезами лицо – Даша, Аринкина сестра.

– О, Боже, Настя! – фраза тут же переходит в рев. Она бросается ко мне, обнимает и проталкивает вглубь прихожей. Рыжий заходит следом и прикрывает за собой дверь.

– Что случилось? – бормочу я, от души надеясь, что от меня не несет перегаром. Аринка, наверное, не пришла ночевать домой – вот сучка! И как мне теперь ее отмазать?

– Настя, она умерла... – Даша, не отпуская меня, шепчет прямо в ухо. – Ариночка наша умерла...

Я резко отдираю от себя горячую Дашкину щеку и смотрю ей в лицо:

– Что? – я даже усмехаюсь. – Я тебе не верю. Да она просто загуляла где-нибудь в клубе, скоро придет! Ты звонила ей? Я сейчас сама позвоню.

Бросаюсь в кухню, надеясь найти мобильник в том месте, где была в последний раз. Даша пытается удержать меня за руку.

– Настя, она умерла.

В кухне телефона нет. Бегу в свой закуток.

– Ночью она сбросилась с Кричащей Башни.

Выхожу из-за шкафа. Телефон, видно, мне не понадобится.

– Что?! Почему? Что случилось? – теперь я сама хватаю Дашу – прямо за края пушистого капюшона. – Что с ней произошло?

Дашка ревет и пожимает плечами:

– Ничего толком не знаю! Она сбросилась с общего балкона этой дурацкой Башни! Господи, почему ее не снесли... эту Башню... там балконы... не закрываются...

Она рыдает, закрывая лицо руками.

– Мы надеялись, что ты как-то прояснишь ситуацию.

Эта фраза принадлежит рыжему, о существовании которого я успела забыть. Он все еще

стоит у закрытой двери и выглядит хоть и серьезным, но довольно спокойным. Не достаиваю его ответом, вновь повернувшись к Даше.

– Проходите в комнату.

Рыжий тут же разувается и расстегивает парку. Даша в обуви проходит до трюмо, стоящего у стены между коридорчиком и кухней и присаживается на него. Она перестает плакать и тоже смотрит на меня серьезно и настороженно.

– Дима прав, – говорит она. – Я надеялась, что ты скажешь, почему она... – снова порция слез. – Вы ведь лучшие подруги... Почти сестры! Она ни с кем так не дружила, никогда. Только о тебе и говорила. Ты же как член нашей семьи!

Я вдруг чувствую, что во мне вскипает злость. Значит, Даша с каким-то рыжим Димой примчалась ко мне ночью не потому, что умерла моя лучшая подруга (боги, это просто не может быть правдой!), а чтобы выяснить, почему! Шерлок Холмс и доктор Ватсон, мать вашу за ногу.

Кипящие внутри эмоции, как всегда, выплеснулись холодом.

– С чего вы, – я намеренно подчеркнула это «вы», – решили, что я знаю?

Мой ледяной тон подействовал на Дашу, как ушат воды, вылитый на голову. Она уставилась на меня.

– Ну... – пролепетала она.

– Неужели ты думаешь, – перебиваю я, – что если бы я знала, что Аринка решила покончить с собой, то сидела бы спокойно дома и даже не попыталась бы ее остановить?

– Я не это имела в виду! – в отчаянии кричит Даша, и я чувствую легкий укол совести. – Но ты же знала, все, что с ней происходит! Может, ее кто-то обижал, или у нее были проблемы в институте...

Обижал – Аринку? Ха! И какие проблемы в институте могут быть у старосты курса?

– И я не могу дозвониться до Макса. Может, они поссорились?

Покончить с собой из-за парня, которого собираешься послать подальше? Тоже мимо, Дашенька. Как ты плохо знаешь свою любимую сестренку.

Стою и качаю головой. Нет, нет, все не то.

– Как это произошло? – спрашиваю я, наконец.

– Ничего толком не знаем. Около часу ночи ее нашли у этого чертового дома, прямо на снегу... Полиция говорит, что она сбросилась с общего балкона, скорее всего, с самого верхнего – двенадцатого – этажа. Там нашли ее сумку.

– А телефон?

Перед глазами всплыл модный телефончик с изящным цветком на чехле-бампере – Аринкин мобильник.

Даша пожала плечами:

– Не нашли. Номер недоступен.

Понятно. Мы не узнаем, с кем созванивалась Аринка перед смертью. Аринка и смерть? Эти слова вообще не укладывались в одном предложении.

– Она ушла из дома около пяти – сказала, что гулять. Мама даже не спросила, с кем. Она же всегда гуляла с тобой или с Максом, больше ни с кем особо не общалась. Ты не видела ее?

Нет, не видела. Аринке вчера было не до меня. Но вслух я ничего не говорю. Рано пока раскрывать рот.

Даша с рыжим потоптались у меня еще с минуту, строя предположения одно безумнее другого. Потом Даша сказала, что ей нужно быть рядом с мамой и отцом, они недавно

приехали с опознания. Мы договорились созвониться позже. Уходя, Даша наконец представила мне рыжеволосого:

– Это Дима Суханкин, мой друг. Мы с ними соседи по даче. Наши родители дружат. Не знала, кому еще позвонить...

И что этот дачник делает тут сейчас? Никогда о нем не слышала, тоже мне, друг семьи. Они ушли, и я остаюсь одна. Несколько раз громко всхлипываю, но какая-то трясучая злость не дает мне плакать. Аринка умерла. Я несколько раз мысленно и вслух проговариваю эти два слова, как будто пробуя их на вкус. Что теперь будет с моей жизнью?

Устав бессознательно слоняться по комнате, прихожу в кухню.

На столе стоит бутылка, тарелка с сыром и две рюмки. Одна из них была налита доверху. Я взяла ее, подержала в руках – стекло было ледяным – и одним глотком опустошила.

Аринка умерла. Теперь эта фраза кажется мне самым естественным словосочетанием в мире.

– Я хочу другой жизни, – говорит Аринка и привычным жестом подкручивает едва выраженный локон. – Для нас обеих.

Мы сидим на пустой трибуне у футбольного поля. Середина сентября балует солнечными вечерами, и если на мгновение забытья во времени, то кажется, что все еще лето. Трибуна – несколько рядов деревянных ступеней, краска на которых давно облупилась и слезала кусками – занимает ту сторону поля, что скрывается в тени высоких деревьев. По полю носятся мальчишки – у них тренировка, но на самом деле, они просто играют в свое удовольствие, не особо заботясь об отработке удара или технике обвода противника.

– Я хочу, – продолжает Аринка, – жить в большом и красивом городе, в Москве или в Питере, да, особенно в Питере – клубная столица! Говорят, там сам воздух дезинфицирует от прошлой жизни, там только и хочется, что творить и мечтать... Я там точно стану модельером или писательницей – а что? У меня столько всего в жизни было – на десяток книг хватит!

Дружные крики на поле привлекают наше внимание. Мальчишки мечутся у ворот, секунда – и Макс забивает гол. Его команда скачет от радости, кто-то обнимает его за плечи – у меня бы от таких объятий хребет сломался – все орут, как ненормальные. Макс смотрит только на Аринку. Он тычет в нее пальцем, вытянув руку, мол, этот красавец-гол я посвящаю тебе, дорогая. Аринка дарит ему улыбку, и только я замечаю за ней снисходительную насмешку.

– Мы с тобой жили бы в большой квартире-студии, отделанной под лофт. Это модно и так... стильно.

– Мне не нравятся лофты, – подаю голос я, – слишком грубая обстановка и давящая атмосфера. Лучше квартирку под самой крышей, чтоб из окна касаться серого питерского неба, а с утра сидеть на подоконнике и пить кофе...

Аринка смеется:

– Вот кому книги надо писать!

Я отколупываю кусок краски и принимаюсь крошить его в руках.

– А вообще, да, в Питере классно! Вечные сумерки, воздух, сотканный из дождя, все, как я люблю, – прячу ухмылку и поднимаю взгляд на Аринку. Подруга смотрит на меня во все глаза.

– Настя! Ты была в Питере?

– Ага, – киваю я, безучастно наблюдая за полем.

Люблю такие моменты. Аринка не знает о моей прошлой жизни ни-че-го, а когда ей кажется, что она начинает что-то понимать, я выдаю ей вот такую деталь, которая повергает ее в шок. Чувствую на себе ее потрясенный взгляд еще несколько секунд. В это время она раздумывает, расспросить ли меня поподробнее или оставить в покое. И, как всегда, решает не спрашивать. За это я люблю ее больше всего.

– Я хотела для нас другой жизни. Но теперь я умерла, а ты будешь одна бродить в этом декабре, путаясь в сугробах, вокруг Кричащей Башни.

Я удивленно поворачиваю голову и вижу Аринку: ресницы ее покрыты инеем, волосы седые, а щеки настолько бледные, что кажутся прозрачными. Она глядит мимо меня мертвыми глазами и не моргает. Оглядываясь, я вижу, что поле пусто и замечено снегом.

Начинает резко темнеть.

Снова смотрю на Аринку, она бездвижна, и взгляд ее словно размыт. Рядом со мной – мертвец. Я дотрагиваюсь до ее плеча, и она начинает заваливаться на бок, точно огромная неловкая кукла...

Я просыпаюсь.

***

В первую секунду я пытаюсь понять, что явь, а что – сон, и правда ли приезжала Даша, а Аринка, пьющая со мной водку только приснилась, или все было наоборот?

В мой зашкафный закуток пробирается тусклый дневной свет. Тянусь за телефоном – 09.15 утра, два звонка от Марьки и с десятков сообщений. Половина – от Дашки. Остальные – от той же Марьки. Нет никакого желания их открывать, но я вынуждена. Очевидно, что ужас происходит в реальности, и он только начался.

«Ты можешь заехать сегодня?»

«Маме плохо, она в больнице, папа остался с ней»

«Настя, возьми трубку, это срочно!»

«Привет, Арина с тобой?»

Два самых ранних сообщения были написаны в час ночи, когда Дашка еще не узнала страшного известия.

Какого страшного известия? Аринка умерла.

Аринка умерла. Она составляла всю мою жизнь, была моей второй половинкой. Единственная лучшая подруга за все мои девятнадцать лет.

Я сижу на диванчике и не знаю, что делать. Я не могу позвонить ей и спросить, что мне делать. Боги, Арина, почему ты не оставила мне никакого руководства на случай своей смерти?

Моя семья не должна ничего знать, Настька.

Макс не должен ничего знать.

Женька Лебедева и ее свита не должны ничего знать.

Никто не должен ничего знать, Настька. И ты обязана проследить за этим.

Вот примерно такую инструкцию она бы оставила. Моя задача – хранить ее тайны. Хреновые дела, доложу я вам. Ведь сейчас добрая половина (ха, злобная половина) наших с Аринкой близких людей начнут трясти меня, точно яблоньку в сентябре. Одно радуется: тяжеленные яблочки свалятся им на головы. Но может, я сумею выстоять.

Я снова зачем-то смотрю на телефон. Пропущенные от Марьки настораживают. Если она пронюхала (откуда?), то наверняка, всех в институте уже оповестила.

Так, что там с нашими яблочками. Первый вопрос: зачем она это сделала. Но черт, тут и думать нечего, я сама сижу и задаюсь этим вопросом! Второй – из-за кого. Тут пойдут вопросы об отношениях с Максом. Блин, спросите у Макса. Аринка не любила делиться подробностями личной жизни, и всегда говорила, что у них все прекрасно. Да, так и буду отвечать. Вполне достойный ответ и даже частично смахивает на правду.

Думаю, сегодня я имею полное право не идти в институт, и плевать мне на зачеты. Ложусь обратно на подушку, но тут же поднимаюсь. Нет, не смогу я пролежать так не то что день, а даже час. Несколько часов назад моя жизнь разбилась вдребезги, и даже если я сумею склеить осколки, то это все равно будет каким-то кривым уродством, а не жизнью. Второй раз. Второе уродство.

Почему все так спокойно? Тихое зимнее утро. Аринка умерла – почему не воют сирены,

люди не бегут с криками по улице? Хоть бы ветер поколотил в окна, но нет – судя по тишине, нас ждет замерший замерзший день. Но если природа может, то я – нет. Я лучше поеду к Дашке, там все пропитано горем и слезами, истериками и ее именем, там мне самое место, вот где я смогу раствориться.

Смогу ли? Они позволят? Или вцепятся всеми руками и примутся выколачивать урожай? Настя – сто напастей.

Встаю с дивана и выхожу из-за шкафа. Мама спит на тахте – такой старой, что я даже не знала, как называется этот предмет мебели. Тахта. Похожа на диван, только не складывается, но и кроватью не назовешь. Короче, сплошная загадка. Когда-то была обита зеленым плюшем (или чем-то вроде того), но ткань давно вытерлась, приняв какой-то невероятный древесно-болотный цвет. Под мамой не видно, но вообще посередине у тахты выпирают пружины, и она топорщится мощным таким бугром. Очередной ужас моей новой жизни.

Мама спит, повернувшись к стене. Она пришла со смены два часа назад. Впервые за последние несколько месяцев, я жалею, что не могу с ней поговорить. Впервые за несколько месяцев я жалею ее будить. Впервые за целые месяцы я ее жалею.

На цыпочках пробираюсь на кухню, закрываю за собой узкую дверь – она, конечно, наполовину стеклянная, но все равно сдерживает шум. Да и психологически так спокойней. Я люблю закрытые двери.

Подхожу к своему любимому месту, сажусь на стул, поджав ноги, смотрю в окно. Идет снег – очень плавно и медленно. Умиротворенно. Идеальная предновогодняя погода, красивая зима. Во дворе – пусто. Та часть утра, когда люди выходят из своих домов и бегут на работу уже позади, а до обеда еще далеко. Какое замечательное время. Жаль, что я так редко в нем бываю.

Наглядевшись в окно, принимаю решение идти в институт. Сидеть дома – в этой тишине, со снегом, бесшумно падающим за окном, и мамой, спящей в соседней комнате, в то время, как внутри меня все ломается и крушится? Нет, это выше моих сил. Ехать к Авзаловым уже не хотелось. Хотелось действовать, что-то выяснить, увидеть хоть кого-нибудь из участников вчерашней драмы – а их было много, возможно, гораздо больше, чем я предполагаю. Мне становится страшно. Вот бы просто лечь на свой диванчик за шкафом, завернуться в большое синтепоновое одеяло, которое больше похоже на палатку, и проспать так до весны – или вообще до другой жизни или другого мира. Почему я не медведь?

Решаю отбросить все и перейти к практичным делам. Пора собираться в институт.

***

Сборы затянулись. Все валилось из рук, я замирала в самом неподходящем месте и забывала. Забывала, зачем я пришла в ванную, зачем вновь вернулась в кухню, зачем распахнула шкаф.

Я старалась двигаться бесшумно – боялась разбудить маму, у меня это плохо получалось, хотя мама так и не проснулась. Она очень устает на своем заводе. Ну и пусть, сама виновата.

Наконец, кое-как собравшись, выхожу из квартиры. Уже во дворе понимаю, что не взяла с собой ничего, кроме телефона, в кармане нет ни копейки – я даже кофе не смогу попить в буфере.

«Да и хрен с ним» – решаю я и в отчаянии ускоряю шаг.

До института с моей стороны идти полторы остановки. С Аринкиной – тоже. Обычно мы встречались посередине. Каждое утро, кроме выходных, вот уже четвертый месяц подряд. Но сегодня Аринка не придет. Фонари выглядели больными, а город – измученным. Я шла

мимо старой гостиницы, мимо дешевого кинотеатра, афиши которого какой-то сумасшедший художник рисовал от руки – до первой скамейки на аллее, бегущей вдоль улицы Ленина. Здесь меня всегда ждала Аринка. Иногда я ее. Иногда она меня. Завидев друг друга издали, мы начинали улыбаться и махать друг другу, придумывая какое-нибудь идиотское приветствие. Потом по очереди рассказывали, как лень вставать с утра, какие сегодня дурацкие пары и что быстрее бы выходные. Она жаловалась на Максима, я – на сбежавший кофе. Она курила сигаретку, я сидела рядом с ней, а потом мы вместе шли в институт.

Сейчас мне кажется, что Аринка идет рядом, как всегда.

– Держись! – говорит она. Я слегка отвожу руку в сторону и представляю, что взяла ее за ладонь, сцепив наши пальцы в замок.

– Не могу! – отвечаю ей мысленно. – У меня не получится так, как у тебя, Арин!

– Получится! – убеждает она, сжимая мою руку. – Ты же моя сильная девочка! Я больше не могу нас защищать, но ты должна! Не дай им уничтожить нас, не дай им облить нас грязью. Не дай им меня забыть.

Не дай, не дай, не дай... Я бросаюсь почти бегом и, едва не растянувшись на ступенях, врываюсь в фойе, прячусь за огромными прозрачными дверями, оставляя на улице сигаретный дым, мутное утро и его призраков.

Фойе встречает меня привычным шумом и гомоном голосов. Бросаю взгляд на огромные часы – только что закончилась первая пара. Народ пьет растворимый кофе, сидя на скамейках, девки толпятся у большого зеркала, стайка старшекурсников суетится у гардероба – на перекур.

Понимаю, что память у меня отбита напрочь – не могу вспомнить, что у нас сегодня по расписанию. Зачет был первой парой, и именно на него я не попала. Нашла время умирать, Арин! Во время нашей первой сессии. Я даже не могу поставить жизнь на паузу, чтобы спокойно сесть и поистерить по поводу твоей смерти.

С трудом пробиваюсь к гардеробу, оставляю куртку, остаюсь в темных джинсах и водолазке. Без сумки непривычно – некуда руки девать. Телефон сую в карман и налегке (если не считать неподъемного груза внутри) иду на второй этаж – к расписанию. По пути попадаются знакомые лица – но не с моего курса, кто-то даже здоровается и смотрит сочувственно, или даже с благоговейным испугом. Я понимаю – они знают. Все всё знают, Арин. А как иначе? Самая популярная девочка института (да и всего городишки, что уж тут скромничать) бросается с балкона самого страшного дома в окрестностях.

По расписанию у нас – лекция по экономической теории. На третьем этаже, в огромной аудитории с двумя входными дверями. На курсе у нас – девяносто два человека. Может, удастся тихонечко прошмыгнуть через дальнюю дверь, сесть на одну из задних парт и просидеть тихо, как мышка. Зачем я вообще сюда пришла? Сердце начинает колотиться, как сумасшедшее. На лестнице ноги становятся тяжелыми, как гири. Мне кажется, я двигаюсь, точно во сне – реальность плывет, меняется, но ты остаешься на месте.

И тут я вспоминаю свой сон. Мы с Аринкой на деревянных трибунах у футбольного поля. Это не было сном. То есть, да, сегодняшним ранним утром мне это приснилось, но когда-то произошло на самом деле! Этот сентябрьский вечер, гол Макса, наш с Аринкой разговор о Питере – все случилось в нашей реальной жизни. До момента, когда поле замело вдруг снегом, а Аринка превратилась в замерзшую куклу.

Меня передергивает от ужаса, и словно пытаюсь убежать от кошмара, прибавляю шаг, вскоре завершаю подъем, прохожу по коридору и перешагиваю порог аудитории.

Гул голосов затихает. С каждым моим шагом становится все тише, и с каждым моим шагом тает уверенность. Они смотрят на меня. Я смотрю мимо них всех – вижу огромные окна, углы парт, мусор на затертом линолеуме. Но продолжаю идти. Взгляды выжигают дыры на моем лице, волосах, водолазке. Тишина напряжена и почти осязаемая, мне кажется, она выталкивает меня из аудитории вон. Но я сдерживаю натиск и продолжаю идти. Свободных парт почти нет, но я не могу остановиться и оглядеться. Мне кажется, если я остановлюсь, то их молчание меня победит, уничтожит.

Арин, я выдержала первый удар, ты гордишься мной, правда?

Наконец, вижу свободное место – почти в конце ряда, да и то, парта занята, но не вся. Сажусь, достаю из кармана телефон и начинаю тыкать в него пальцами, зачем-то листаю список контактов. Господи, ну почему я не взяла хоть какую-то гребаную тетрадку?

Они продолжают молчать и смотреть на меня. Я не ловлю ни единого взгляда, но знаю, какие они – эти взгляды: сочувствующие, выжидающие, прикрывающие любопытство и даже наверняка злорадство.

Спасает приход препода. Ей нет дел до моей мертвой подруги. Она поднимает аудиторию приветствием, встает за кафедру и объявляет тему. Я поворачиваюсь к невольной соседке по парте. Какая-то отщепенка, на лицо знаю, по имени – нет.

– Есть листочек? – шепчу ей. Она тут же выдирает двойной из середины тетради.

– А запасная ручка?

Находится и ручка.

Курс шуршит тетрадями, переводит мобильники в беззвучный режим, шепчется, переспрашивает тему. Первые минут пятнадцать я сосредоточено пишу лекцию, абсолютно не понимая значение слов, которые записываю. Вскоре меня немного отпускает, я поднимаю голову и окидываю аудиторию взглядом.

Наш курс – это такая огромная, многоголовая, многоголосая и разноцветная гидра, вечно шевелящаяся, шипящая, жующая мини-пиццы, чипсы и яблоки. Здоровенное чудище, порождение вселенского хаоса, которое без конца и цели шевелит своими щупальцами и крутит головами. Для меня – абсолютно бесформенное существо, не имеющее ни имен, ни характеров, не вызывающая никаких чувств. Все на одно лицо. Все на один голос.

Разумеется, за полгода совместной учебы я кое-как научилась их различать. Вон Марька – Аринкин зам, первый кандидат теперь на старосту группы – жирная, коротковолосая ботаничка, глаза навывкате. Таскает кучу каких-то учебников в тряпичном рюкзаке, говорит, что это этно-стиль. Безобидная девка, но раздражает меня до чертиков.

Но, конечно, не так сильно, как Женечка Лебедева. Вон сидит, губки дует, думает, что теперь она – первая красавица. Нет, дорогуша, даже после Аринкиной смерти ты все еще остаешься при статусе «вице». Тебе никогда до нее не дорасти, сколько не подражай.

Женя поворачивает голову, ловит мой взгляд и едва ли не чернеет от страха.

Я аж глаза опускаю, чтоб перестать ее пугать. Что я, право, такая страшная? Или разучилась маскировать чувства непроницаемой маской отчуждения, и Лебедева поняла, как сильно я ее презираю?

Снова поднимаю взгляд и снова сталкиваюсь с ее повернутой в мою сторону башкой. Во второй раз она даже вздрагивает. Ей-богу, это просто смешно. Мы играем в игру «убей меня взглядом» или что? Женя наклоняет голову низко к парте и больше не поворачивается.

Я решаю, что с меня хватит. Сейчас прозвенит звонок, я встану и уйду домой. А лучше – к Авзаловым. Мне просто адски не хватает Аринки.

К концу пары преподавательница начинает страшить нас предстоящим экзаменам, перечисляет темы, «на которые стоит обратить особое внимание», заверяет, что списать никому не удастся, плоско шутит и радуется, что ей поддакивают. Я с нетерпением поглядываю на время, то и дело нажимая на единственную кнопку телефона. Но, к моему счастью, преподше тоже не терпится уйти. Взяв с нас обещание, что мы будем сидеть тихо до звонка, она выпархивает из кабинета.

Марька Чуркина и еще пара девчонок из нашей группы вскакивают и идут ко мне – я и глазом моргнуть не успела, как сама она присела рядом, потеснив меня, а остальные – на переднюю парту, буквально вытолкнув из-за нее мальчишек из параллельной группы.

– Настя, ты как? – спрашивает Марька. Девчонки развернулись к нам и уставились с любопытством. Курс затих. Я закрыла лицо ладонью, но тут же отняла руку – не буду перед ними слабой, не буду!

– Что у нее случилось? Почему она это сделала? Блин, я поверить не могу... – кто-то из девчонок.

– Ты ее вчера видела?

– Ты сегодня у нее была?

– Как родители?

– Дать таблетку? У меня «афобазол»...

Я зажмуриваюсь и стараюсь сдержать истерический крик. Не совсем удается, слабый стон таки прорывается наружу. Девки сразу затихают. Курс – наостряет уши.

– Мне кажется, – медленно говорю я, – что я бы полжизни отдала сейчас за стаканчик кофе.

Девки секунду медлят, потом взрываются все одновременно:

– Ну так пойдете в буфет!

Я говорю, что забыла взять сумку, они, разумеется, просят не беспокоиться о таких мелочах. Мы суетливо поднимаемся, выходим из-за парт, гидра потихоньку тоже приходит в движение, галдит, шуршит фантиками от конфет. В окружении девчонок я чувствую себя как в танке. Марька берет меня под руку, и я поняла, что я теперь – под ее шефством. От этой мысли становится смешно. Но мне почему-то не хочется выдергивать руку.

Выйдя из аудитории, наша маленькая экспедиция вдруг замирает. Девчонки расступаются от меня, оставляя в пустоте, как в вакууме.

Меня ждут.

В коридоре, недалеко от дверей нашей аудитории стоят Ванька и Макс. Макс в темной толстовке, капюшоне и солнечных очках. Олицетворение скорби. Он выглядел уставшим, не спавшим и озлобленным. Одна сплошная прямолинейная тоска. При виде меня в пустом круге, образованном девчонками, Ванька тоже отступает.

Нас как будто оставили один на один на боксерском ринге.

Он подходит ближе. Слишком близко.

Коридор – сплошные двери кабинетов, и пара окон на концах – пропускает слишком мало света. Но когда Макс снимает очки, я все равно вижу. Несмотря на то, что верхнюю часть лица все еще скрывает надвинутый капюшон. Я вижу злость в его глазах. Острую ненависть. Но не это меня удивляет.

– Ты знаешь, – медленно и тихо говорит он. Я не понимаю, вопрос это или утверждение, поэтому не собираюсь ничего отвечать.

– Ты все знаааешь, – он тянет слова, как и все в этом городке – такая особенность южно-

уральского говора. Но сейчас это «ааа» проскрежетало по моему мозгу как айсберг по борту «Титаника». – Сучка. Грязная тупая сучка. Такая же, как она.

Он говорит мне это прямо в лицо, и мне кажется, что кожа пачкается этими словами.

– Скажи, кто это сделал, – снова ни вопроса, ни утверждения.

– С кем она была. Зачем туда пошла.

Он повысил голос. На нас пялились – девки, Ванька и полкурса в придачу.

– Она тебе по любому все рассказать успела.

Успела, успела, придурок ты конченный. Тут он тоже замечает, что вокруг слишком много ушей и глаз и снова говорит тихо и холодно.

– Ты будешь молчать. Поняла меня.

Я не отвечаю. Только смотрю ему в глаза. Надеюсь, что нагло. Прямо в его большие, полные ненависти, глаза. Один из которых окружал огромный пухлый синяк. На пол-лица. Макс, кто тебя так отмутил? Скажи, чтоб я могла отправить ему цветы.

По-моему, мое спокойствие его доканало. Он хватает меня за плечи и принимается встряхивать на каждом слове:

– Ты. Будешь. Молчать. Поняла. Поняла.

Точно стеклянный шар с искусственным снегом и кремлевскими башенками внутри.

Зрители ахнули.

Между нами встает Ванька и отцепляет его. Я, пошатнувшись, хватаюсь за стену.

–Оставь ее. Она поняла. Пойдем.

Ванька разворачивает его и слегка толкает вперед. Макс уходит, ни разу не оглянувшись. Ванька, как бы извиняясь, сжимает мою руку чуть выше локтя и уходит следом. Мне хочется растечься большой соленой лужей тут же, на обшарпанном линолеуме. Все, что остается в памяти – прямой, полный сочувствия, синий взгляд Ваньки.

Едва Ванька отводит Макса от меня на пять метров, как тут же подлетают девчонки с Марькой во главе. Марька смотрит на меня круглыми глазами, отчего становится похожа на сову из старого мультика про Винни-Пуха.

– Насть, че это он, а? Че это с ним.. Че это вы...

Расчокалась, как баба деревенская, бесит, ей-Богу. Вырываю руку из ее липких пальцев резко и даже грубовато. Ну и ладно. А то возомнила уже себя моей подружкой.

– Девушка его умерла, че! – намеренно громко отвечаю я, чтоб слышали все любопытные уши вокруг. – Не в себе парень, что непонятного? Неизвестно еще, как бы вы себя вели на его месте!

Быстро ретируюсь, уходя от новой атаки вопросами. Сбегаю по лестницам все ниже – на первый этаж. Никто не идет за мной, и я немного замедляю темп. В фойе смешиваюсь с толпой – видимо, не нас одних отпустили пораньше с пары. Прячусь в людях от людей, но многие все равно узнают меня – Аринка самая популярная девушка в универе. Была самой популярной. Теперь на какое-то время ее место, похоже, займу я. Правда, не по причине неземной красоты и бешеной харизмы. Но тайны, почему-то притягивают людей, а я ими буквально напичкана.

Стараясь не сталкиваться ни с кем взглядом, пробираюсь к гардеробу и обмениваю номерок на свою парку. Надеваю ее, и сразу становится лучше – я будто в доспехах. Для верности натянув капюшон как можно плотнее, выхожу из универа с твердым намерением отправиться домой, лечь на свой диван, не снимая куртки, и пролежать так часов сто.

В кармане верещит мобильник.

Дашка.

Я некоторое время медлю, справляясь с желанием выключить звук и сделать вид, что я ничего не слышала. Но понимаю, что рано или поздно мне придется перезвонить и, так или иначе, иметь с ними дело. С ними – это с Аринкиной семьей.

Принимаю вызов.

– Насть? Слушай, есть разговор, приезжай срочно.

Ни «как ты», ни «что делаешь», ни «не могла бы ты, пожалуйста». Что ж, ее можно понять. Сейчас не время для вежливых расшаркиваний.

– Что-то случилось? – брякаю я и тут же зажмуриваюсь от тупости собственного вопроса. Случилось, блин. Аринка умерла. – То есть, я имею в виду...

– Да мы тут пытаемся разобраться, что произошло, и без тебя никак.

Кто блин эти «мы»? Команда знатоков?

– Ясно. Конечно. Я понимаю. Сейчас приеду.

Нужно же быть в курсе, как протекает их расследование. Да и к тому же, где мне еще находиться, как не у Аринки дома? Я должна быть с ее родными, поддерживать их и черпать силу в их участии. От этой мысли мне становится тошно.

Но я вспоминаю, что мне так или иначе нужно туда попасть.

От института до Аринкиного дома – две с половиной остановки. По скучной зимней аллее, через маленькую площадь, где горит Вечный огонь перед памятником неизвестному солдату, за полосу Проспекта и вглубь дворов. Местные называют этот район Свечкой, Аринка тоже жила «на Свечке». И Кричащая Башня, упав с которой она перестала жить,

стоит «на Свечке». Это не самый хороший район города.

Дом Аринки стоит в тихом дворе, на маленькой улочке, которая ответвляется от Проспекта под прямым углом. Сам дом – огромная девятиэтажка, длинная, как корабль, выкрашена в синий цвет. Я иду по двору мимо подъездов, краем глаза улавливая слева тень Кричащей Башни. Она стоит ближе к Свечке, чем Аринкин дом, поэтому остается немного позади меня. И я спиной чувствую ее присутствие.

Во всем дворе – ни единой души. Дохожу до второго подъезда, звоню в домофон и оглядываюсь. Не оставляет ощущение, что за мной наблюдают.

Домофон протяжно пищит – дверь открывают, не спросив, кто там. Почему-то от этого становится не по себе. Я поднимаюсь по лестнице, пытаюсь припомнить, когда последний раз тут бывала. Кажется, в пятницу, когда мы с Аринкой пришли после универа чтобы перекусить и отправиться на погулялки. Нет, в субботу, когда Аринка решила закатить вечеринку. Хреновая была идея. Сегодня понедельник, а Аринки уже нет. Мы больше не будем вместе смеяться.

Едва удерживая слезы, я вызываю лифт и нажимаю на кнопку «семь». Пока лифт поднимается, я стараюсь глубоко дышать и рассказываю про себя детскую считалочку. Это помогает немного успокоиться и отвлечься от тоскливых мыслей. Я не могу позволить себе рыдать при чужих людях, тем более, при Аринкиной семье. Им и так паршиво.

Даша стоит у входной двери. Чтобы не дать двери закрыться, она одной ногой вышла в подъезд – кончик розового носочка уткнулся в грязный пол. В руках у нее телефон, и Дашка быстро, двумя пальцами, набирает сообщение. Она не сразу поднимает голову при звуке открывающегося лифта.

Когда я вижу ее лицо, то понимаю, что зря железной хваткой удержала себя от рева. Нос Дашки распух, кожа на скулах шелушится, губы изжеваны так, что кожа на них висит противными лохмотьями.

Она позволила себе провалиться в пропасть. И она хочет, чтобы мы все летели в нее.

– Привет, – говорю я и тут же кашляю, потому что мой «привет» звучит очень уж жалко. Она сразу чувствует это, глядит на меня отчужденно и вздыхает, глядя в сторону:

– Привет.

Отодвигается, давая мне пройти, и закрывает за мной дверь на несколько оборотов.

По тяжелому воздуху я понимаю – в квартире полно людей. Слышится гул голосов, монотонное бормотание, в кухне шуршит пакет, звякает чашка. Из кухни в зал проходит незнакомая тетка в темном платке. Она бросает на нас взгляд и ничего не говорит.

Я в растерянности расстегиваю куртку. Мне душно.

Дашка делает мне знак идти за ней. Мы направляемся в комнату Аринки, и, проходя мимо зала, я вижу, что там повсюду свечи, пожилая женщина, сторбившись, читает молитву, а аринкина мама сидит на диване, глядя перед собой стеклянными глазами.

Дашка пропускает меня вперед и закрывает за нами дверь.

Я не узнаю Аринкину комнату. Потухший экран ноутбука. Зеркало завешено темной тканью. На туалетном столике, на письменном столе, на тумбочке у кровати – чистота. Но я не узнаю комнату не только из-за отсутствия привычных примет в виде включенного компьютера или разбросанных по трюмо лаков для ногтей. В Аринкиной комнате слишком много народу. Ей бы это не понравилось.

У окна, уперев пятую точку в подоконник, стоит тот самый рыжий тип, с которым Дашка приезжала ко мне ночью. Друг семьи – вспоминаю я. На Аринкиной кровати

расселась девица – примерно Дашкиного возраста (чуть за двадцать), и чем-то похожая на Авзаловых – блондинистые волосы, большие глаза, светлая кожа. Но Дашка с Аринкой были красивыми куклами с правильными чертами лица, а девицу как будто немного размазало по стеклу – она скорее карикатура с оригинала. Но семейное сходство очевидно. Наверное, какая-нибудь троюродная сестра.

– Это Света, – говорит Дашка, проследив за моим взглядом. – Наша сестра из Кумера. Диму ты, наверное, помнишь.

Я киваю и думаю: почему всех девушек с молочной кожей и оплывшими боками обязательно зовут Светами?

Она разглядывает меня не очень дружелюбно. Я все еще в куртке, ведь никто не предложил мне раздеться.

– Быстро ты приехала, – говорит рыжий и пододвигает стул. Не снимая куртки, сажусь и выжидающе гляжу на Дашу.

– Да, точно. Бегом что ли бежала? – Даша пытается улыбнуться. От этой тени улыбки ее лицо сразу преображается, светлеет, и я немного расслабляюсь. Зря.

– А я не из дома, – простодушно объясняю. – В универе была.

Улыбка сползает с Дашкиного лица.

– Ты смогла пойти в универ?

– Как будто ничего и не произошло, – хмыкает Света.

– Жесть, – шепчет Дашка, пока я лихорадочно соображаю, что ответить. Ведь и правда – ну какого черта я туда поперлась? А Дашка продолжает:

– Я тут в магазин не могу сходить, потому что ничего не соображаю, а ты – как ни в чем не бывало...

– Стальная магнолия, – с чуть заметной улыбкой произносит Дима. Вполне доброжелательно, кстати. – Ну, хорошая выдержка у человека, что вы так удивляетесь.

Я выдерживаю секундную паузу и спокойно отвечаю, старательно избегая извиняющегося тона:

– Мама спала с ночи, и я просто не знала, куда себя деть. Пошла в универ по инерции. Как будто привычные дела могут каким-то образом отгородить меня от... этого кошмара.

На последних словах опускаю голову, Дашка торопливо возит ладонью по моему плечу:

– Ну ладно, успокойся...

Голос ее дрожит, и я думаю, что она довольна моим поникшим видом.

– Вы что-то узнали? – спрашиваю я, утерев глаза. Дашка садится рядом со Светой, бережно отодвинув подушку.

– Ну, – выдыхает она, – особо ничего, и надеялись, что ты нам поможешь.

Хорошенькую встречу вы организовали человеку, на чью помощь надеетесь.

– Она вчера ушла из дома около пяти часов вечера, – продолжает Дашка. – Мне и в голову не пришло спросить, куда. Или с тобой, или с Максом – ни с кем больше она не гуляла. Вот я и подумала, что само собой разумеется, она с кем-то из вас.

Дима кашляет, и Дашка будто осекается. Смотрит на меня выжидающе. Я пожимаю плечами.

– Она встречалась не со мной.

– А с кем? – вопрос рыжего падает на меня, как ястреб на полевою мышь. Я понимаю, что вот-вот попаду в какую-то ловушку, которую они втроем заботливо расставили к моему приходу. Я перевожу на него взгляд и смотрю прямо в его золотистые глаза.

– Понятия не имею. Она мне ничего не говорила. Мы созванивались вчера, это было днем, наверное, около двенадцати. Она только проснулась, мы поболтали про зачет, она собиралась к нему готовиться. В основном, про универ говорили.

– В основном? – снова ударяет противный рыжий. Настя, чтоб тебя! Следи уже за языком!

Я раздраженно вздыхаю:

– Про зачет, про преподав, про шмотки – господи, я все в деталях не вспомню!

– Постарайся, Насть, это важно, – проникновенно говорит Дима, чуть склоняясь в мою сторону. Ну не так важно, как попонтговаться тут перед девчонками, строя из себя Шерлока Холмса, долбаный придурок!

Включаю ледяную королеву.

– Я что на допросе? – взвожу брови, как курок и смотрю на них с ненавистью. – В нашем разговоре не было ничего важного, ясно?

Дима примирительно улыбается и кивает.

– А Макс что говорит? – мастерски перевожу стрелки. – Он ее видел?

– Он не берет трубку и не отвечает на мои сообщения, – тон Дашки полон отчаяния. Вот Макс молодец! Отличная позиция. Ну конечно – не явится же он к Авзаловым с такой нарядной рожей!

– А что в ее телефоне?

Дашка устало закрывает глаза:

– Не нашли.

Концы в воду. Аринка это умела.

– И отследить не могут, – продолжает Дашка. – И не собираются. Никакого расследования не будет. Полиция не собирается возиться. Они сразу решили, что это суицид, – в ее усталом тоне появляются нотки злости. – Но я в это не верю! Насть, ты веришь?

Прямо таки слышу легкие шаги истерики.

– Нет, я тоже не могу поверить! – быстро отвечаю я, чтобы успокоить Дашку. – Не могу поверить, что ее нет.

Понимайте, как хотите.

– Думаю, она встречалась с Максом, – продолжаю гнуть свою линию, когда Дашка немного успокаивается. – Он, наверное, пока не в состоянии разговаривать с кем-либо. Может, они расстались...

– Почему ты так думаешь?

Хо-хо, Димочка! Ключнул на наживку?

Я простодушно распахиваю глаза.

– Да мы весь месяц об этом говорили. Они ссорились постоянно, и Аринка все время на него жаловалась. Вот, сейчас покажу, что она мне писала буквально на днях.

Достаю телефон, открываю сообщения, нахожу Аринку. Они не сводят с меня глаз, не в силах поверить, что я сейчас позволю им залезть в нашу с Аринкой переписку. Я долиствываю до нужного места и протягиваю телефон Дашке.

– Вот, читай с верхнего.

Все трое впиваются в мой телефон, как гиены в недоеденный львами труп буйвола.

– «Жесть какая-то, я снова поругалась с Максом» – торопливо читает Дашка. Я встаю со стула и не спеша подхожу к полке, где Аринка наставила всякую дребедень.

– «Он меня выбесил. Начал нести какую-то чушь про каких-то непонятных парней, с которыми я типа переписываюсь».

Беру с полки фотографию в рамке. На ней мы с Аринкой в нашей любимой кофейне – Аринка делает селфи, я салютую кофейной кружкой. Ставлю фотку на место.

– «Называл какие-то имена, я знать не знаю этих парней...»

Провожу пальцем по короткому ряду книг. Пара учебников, книжка в духе «добейся-успеха-как-брат-от-жизни-по-максимуму», модная нынче «Девушка в поезде», которую Аринка так и не дочитала.

– «Мы ругались весь вечер, в итоге я просто развернулась и ушла. В кино так и не попали. Как меня достало это все...»

На край одной из вертикальных стенок полки Аринка навешала всякую хрень. Ленточки от букетов, которые ей дарили, нелепый массивный амулет на толстом шнурке, который она зачем-то купила эзотерической лавке, длинные бусы из рябины («на удачу», – говорила она). Я перебираю висюлки.

– «Он пошел за мной, шел и кричал что-то на всю улицу, как пьяный. Я чуть ли не бежала, чтоб отделаться от него...»

Среди лент и бус нахожу тоненькую цепочку. На ней висит миниатюрный ключ. Вряд ли им что-то можно открыть, скорее, это просто подвеска в виде ключа, но кто знает...

– «Догнал возле подъезда, начал извиняться, но я вырвалась и убежала...»

Я осторожно снимаю цепочку с ключиком, и прячу в карман.

Это я расставляю ловушки.

Неужели мы с Аринкой были бы такими дурочками, чтобы писать в смсках что-то важное? Неизвестно, кому в руки попадет твой телефон. Я вот и в ста вариантах не назвала бы Дашку.

– «Не хочу его больше видеть...»

Я знаю, что на этом аринкин монолог заканчивается. Дальше я пишу ей, что скоро позвоню. Потом идут фотки лекций, расписание и другая ерунда. Дашка, пробежав глазами переписку, вынуждена вернуть мне телефон. Я замечаю, что она делает это с сожалением. Убираю телефон в карман и сажусь на свое место.

– Когда это было? – спрашивает Дашка. По-моему, она потрясена.

– Кажется, в прошлые выходные, – отвечаю.

– Нам надо поговорить с Максом, – взволнованно произносит Дима, а я смотрю на него с удивлением. Какое ему вообще дело до Аринки? Появился, как черт из табакерки, внезапный «друг семьи».

– Может, я поеду к его дому? Вы знаете, где он живет?

Дашка отрицательно качает головой и смотрит на меня.

– Где-то в «старом городе», – пожимаю я плечами. – Но точного адреса я не знаю.

– Что-то ты вообще ничего не знаешь, – с откровенной неприязнью говорит Света. – А вроде, считаешься лучшей подружкой.

Мне хочется по-детски передразнить ее и обозвать коровой. От этой мысли становится смешно. Только расхохотаться сейчас не хватало.

– Ну, раз я такая бесполезная, не оправдала ваших ожиданий, то пойду, – язвительно отвечаю я. То, ради чего пришла, сделано, незачем дальше терпеть этих людей. Дашка еще может пригодиться в будущем, если я хочу быть в курсе событий, да и то, обойдусь как-нибудь. Так что оревуар, чао, персики, плевать я на вас всех хотела и на ваше мнение обо мне.

Я не обязана ни с кем меряться горем.

– Не обижайся, – примирительно говорит Дашка. – Мы тут все не в себе от этого кошмара, можем ляпнуть, не подумав.

– Мы тут еще кое-что обнаружили, – встречается Дима и многозначительно смотрит на Дашку. Та переводит взгляд с меня на него и обратно.

– Да... – бормочет она, явно нервничая. Затем, будто собравшись с духом, она говорит, пытливно заглядывая мне в лицо:

– Где Аришкин дневник?

Я недоуменно хмурю брови.

– Не знаю. Понятия не имею, где она его хранит.

– Ну то, что она вела дневник-то ты хотя бы знаешь? – саркастически спрашивает Света.

– Конечно, – в тон ей отвечаю я. – Я сама подарила ей этот блокнот, еще в начале сентября, и она сказала, что будет вести в нем дневник.

Фиолетовая обложка, золотая рыбка посередине. Я шутила, что она напоминает мне Аринку.

– Он исчез, – заявляет Даша. – Я сегодня все перерыла, хотела понять, что случилось с Аришкой, просмотрела все ящички, тумбочку – ничего. Никаких записок, ежедневника, ничего, что могло бы объяснить этот... этот ужас.

Дашка не говорит «поступок», она не верит, что Аринка сделала это сама.

– Странно, – я едва нахожу, что ответить. Действительно, странно. Как в старом триллере – куда пропал дневник Лоры Палмер? Но серьезно, куда он мог деться?

– Так она не говорила, где хранит его?

– Нет.

Я пожимаю плечами, и повторяю, что это очень странно.

Дашка вздыхает, как будто еще одна ее надежда разбилась вдребезги.

– Надо поговорить с этим Максом! – бормочет Дима. Я смотрю на время и говорю, что мне пора, никто не возражает.

– Позвоню еще, – говорит Дашка.

Не сомневаюсь.

– Давай я тебя подвезу! – неожиданно вставляет Дима. Я пытаюсь отнекиваться, но от удивления не могу придумать весомых аргументов. Он добавляет, обращаясь к Дашке:

– А потом доеду до старого города, спрошу там одного знакомого, может, он знает Макса.

Она кивает. Втроем идем гуськом до входной двери, от запаха ладана и тающего воска меня начинает мутить. По дороге я больше не вижу Аринкиной мамы, и очень радуюсь этому.

***

Выяснилось, что у рыжего старенькая серая «школа», в салон которой он гордо меня посадил, по-джентельменски распахнув переднюю дверь.

В машине ужасно холодно, я оставляю капюшон на голове, к тому же, так я чувствую себя защищенной, как в шлеме. Однако Дима, сев за руль, намерен вести беседу.

– А что ты сама думаешь про Макса? Как у него, кстати, фамилия?

Стаскиваю капюшон, так как через меховую стену поддерживать диалог не очень-то удобно. Смотрю на рыжего, а он с улыбкой – на меня. Почему его так сильно интересует Аринка и все, что с ней связано?

– Назаров, – отвечаю, игнорируя первый вопрос. Отношения с Аринкиным парнем у нас не заладились с самого начала. Он хотел, чтоб Аринка принадлежала ему безраздельно, или уж как минимум, чтобы он, ее молодой человек, был для нее первым. Но Аринка всегда ставила меня на первое место. Макс ревновал ее и без повода, а уж когда повод был налицо – то попросту превращался в зверя. Я, к его сожалению, родилась без яиц, и мне нельзя было набить морду и отвадить от Аринки, как навязчивого поклонника. И думаю, что от возможности навешать мне хороших люлей его останавливал скорее страх перед последствиями, чем какие-то жизненные принципы.

Но я не собираюсь посвящать Диму в подробности наших взаимоотношений, даже если речь идет о Максе. Пусть сам выясняет, раз так нравится играть в детектива.

– Аринка никогда о тебе не рассказывала, – говорю я, предупреждая очередной вопрос о Максе, Аринке или мне. – Ты давно знаком с их семьей?

Если честно, мне по барабану, просто не хочу всю дорогу до дома врать и выкручиваться.

Мне кажется, он немного смущен или расстроен. Из-за вопроса?

– Наши семьи соседи по даче, и Дашу с Аринкой я знаю вот с таких лет, – он чертит рукой на уровне переключателя. – Раньше они каждое лето там жили, и мы все время вместе играли. Аринка была та еще фантазерка, чего только не придумывала. Больше всего любила играть в принцессу: она, разумеется, принцесса, я – рыцарь, который ее спасает, а Дашка – дракон.

Он смеется, и я тоже невольно прыскаю. Бедная Дашка. Ей, разумеется, тоже хотелось быть принцессой, но рядом с Аринкой у нее не было шансов.

– Она правда про меня никогда не рассказывала? – смущенно спрашивает он. – Мы Суханкины. Наши родители несколько раз Новый год вместе отмечали, да и мы детьми к друг другу на дни рождения ходили... Как подросли, конечно, меньше стали общаться...

Извини, Дима Суханкин, но Аринка не вспоминала о тебе от слова «вообще».

Я качаю головой, он вздыхает.

– Как думаешь, почему она это сделала? – спрашивает он, а я жалею, что не увела его вопросами в дебри воспоминаний.

– Не знаю, сама в шоке.

– То есть, никаких причин у нее не было?

– Ну, видимо какая-то была, раз она решилась на такое. Но у меня ни малейшего...

Он не дает мне договорить.

– Может, проблемы с учебой?

– Нет, точно не из-за учебы.

Во-первых, Аринка староста курса. Во-вторых, учеба в принципе мало ее волновала. Универ для нее был скорее парком развлечений, чем светочем знаний, и относилась она к нему соответственно. Она вообще со всеми проблемами справлялась играючи.

– Значит, остается Макс, – говорит Дима Суханкин. – Или...

Многозначительная пауза.

– Или? – не выдерживаю я.

Он поворачивается и смотрит на меня с улыбкой, но глаза его холодны и серьезны.

– Или ее убили.

Вот те раз.

– У нее были враги?

Вот те два. Я смотрю на него круглыми глазами.

– Нет, – отвечаю как можно тверже. – Аринку все обожали.

Человек сто мечтало о ее смерти. Я сейчас, сходу, могу назвать с десятков. Не задумываясь.

Дима бросает на меня взгляд, в котором я читаю недоверие. Но вслух он ничего не говорит. Мы поворачиваем к моему дому. Уже притормозив у подъезда, он просит мой номер телефона, и я диктую, от души надеясь, что мне не придется отвечать на его звонки.

Выхожу из машины и неторопливо иду к подъезду. Он не уезжает, ждет, пока я найду. Сую руку в карман и пропускаю сквозь пальцы цепочку, зажимаю ключик в руке.

К Ключнице я пойду завтра. Боюсь, как бы Дима Суханкин не решил сегодня меня пасти, следопыт хренов.

***

Мама встречает меня в коридорчике. Обеспокоенная и растрепанная со сна.

– Настя! Мне только что соседка позвонила – сказала, какая-то девочка из вашего института сбросилась с двенадцатиэтажки?

Я снимаю куртку, вешаю на крючок, небрежно скидываю ботинки, и они остаются лежать в раскоряку. Дома тепло и... привычно. Я вдруг понимаю, что впервые с нашего переезда рада сюда прийти. Раньше я всегда убеждала себя, что лучше быть где угодно, но только не в этой хрущевке с расползающимися по швам обоями и облезлой мебелью. Но сейчас внешний мир стал более неприятным, чем квартира, пропахшая старьем и жареным луком.

– Да, мам, – отвечаю я, наконец. – Эта девочка – Аринка.

Мой голос дрожит, и в глаза лезут слезы. Я прохожу мимо, в комнату, стягиваю свитер, стараясь глубоко дышать. Слова считалки, как назло, вылетают из головы.

Мама какое-то время стоит, не двигаясь. Потом осторожно подходит ко мне, обнимает сзади и прижимается губами к моему затылку. Страстно чмокает и гладит по волосам.

Никогда не понимала, как объятия могут утешить.

Но я рада, что она не стала кудахтать как курица, плакать или причитать. На какой-то момент я узнала в ней свою прежнюю, настоящую маму. Обожаемую мою мамочку.

– Ладно, – высвобождаюсь из объятий и продолжаю переодеваться.

Натянув спортивные штаны, майку и толстовку, я какое-то время медлю, соображая, чем хочу заняться. Потом иду за мамой в кухню. Мы пьем чай и разговариваем о какой-то ерунде. Я мимоходом сообщаю, что была у Авзаловых, она кивает и рассказывает о работе. В тот миг, когда мы сидим за столом в крошечной кухоньке, за окном – зима, но тут тепло, в кружке – чай с мятой, а на столе – дурацкая цветная клеенка, мне становится спокойно. Я чувствую себя, как жук в коробке, и мне совсем не хочется, чтоб меня из нее вытряхивали.

Но кто-то вечно ломится к бедному коробочному жучку.

Раздается противная трель звонка.

Я смотрю на маму:

– Ждешь кого-то?

Она качает головой.

– Открой, Настюш, а то у меня вид ужасный.

Вот так просто – открой, Настюш. Она не понимает, что там, за дверью притаился внешний мир, который в одну секунду наполнился врагами. К нам редко приходил кто-то, кроме соседки, а она всегда стучит – громко и торопливо. Я уверена, что за дверью ждет что-

то, связанное с Ариной и ее смертью. Может, Макс пришел выбить мне мозги, или Дашка хочет доканать своими вопросами, может и вовсе полиция, которая передумала и решила завести дело. В общем, ничего хорошего теперь за дверью не ждет.

Но я, разумеется, иду открывать.

– Кто там? – кричу я, держа руку на собачке замка.

– Доставка, – раздается мужской голос.

Я немного успокаиваюсь, перевожу дыхание и открываю. Никакой доставки мы не ждем, наверное, ошибка. Сейчас разберемся.

Какой-то мальчишка в красной вязаной шапке с большой коробкой в руках.

– Арина Авзалова? – спрашивает он, выглядывая из-за картонного бока.

– Что? – потрясенно бормочу я.

– Вы – Арина Авзалова?

Перестань повторять ее имя.

– Нет, это моя подруга, но она...

Я замолкаю, наблюдая, как мальчишка ставит коробку на подъездный пол.

– Ну тогда передайте ей. Мне сказали сюда отнести.

Он разворачивается и начинает спускаться по лестнице.

– Кто сказал? – кричу я в пролет. – Кто дал тебе это?

Но мой запоздалый вопрос никого не волнует. Я слышу, как хлопает подъездная дверь. Замешкавшись, наклоняюсь к коробке, но понимаю, что теряю время. Оставив дверь открытой, несусь к окну. Мама отскакивает в сторону, а я, раздраженно путаясь в шторе, смотрю на улицу. Двор пуст. Мальчишки в красной вязаной шапке уже и след простыл.

Иду к порогу. Коробка по-прежнему стоит по другую его сторону. Мне кажется, она на меня смотрит. Ну, Арина, какую свинью ты мне подложила?

Волоку короб внутрь. Несмотря на размеры, он оказывается легким.

– Что это? – бормочет мама.

– Не знаю, притащил какой-то пацан и сказал, что это для Аринки.

Дотаскиваю до центра комнаты, мама присаживается на тахту. Ей любопытно, и я не могу просить ее выйти и не смотреть. На коробке нет никаких опознавательных знаков, ее не отправляли по почте или через курьерскую службу. Тот парень, Красная Шапочка, вероятно, просто мимо проходил, кто-то предложил ему заработать пару сотен за пустяковое дело. Картонные створки запечатаны коричневым скотчем. Беру нож в кухне и прорезаю полосу между створками. Внутри какой-то мягкий ком, завернутый в офсетную бумагу. Я разрываю ее, и пальцы натываются на нежную гладкую ткань. Тонкую, белую. Тащу ее вверх, встаю с колен, поднимая руки. А ткань все тянется и тянется, пока в моих руках не оказывается тоскливо обвисшего свадебного платья.

***

Дашка приехала через полчаса, и, слава богу, без друга Димы.

– Думаешь, она давно задумала это сделать? – шепотом говорит Дашка.

Мы сидим по обе стороны от коробки – она на маминой тахте, я на стуле напротив, а из коробки посередине вываливаются тонкие рукава, украшенные выбитыми бутонами, и расшитый серебристыми стразами лиф. Кружевной подол прячется на дне.

– О чем ты? – недоумеваю я.

– Ну... давно задумала покончить с собой? – продолжает шептать Дашка. Мама возится на кухне, и мне немного неловко, что мы шепчемся. Мама может подумать, что она нам

мешает.

– С чего ты это взяла?

– Незамужних девушек принято хоронить в свадебном платье, – объясняет она. Я тарашу на нее глаза, не в состоянии вымолвить и слова. – Типа, они невинны и попадают сразу на небо, как божьи невесты.

Ну и порядочки тут. Меня передергивает от жути.

– У вас так не делают? – удивляется и Даша.

Я качаю головой, а потом спохватываюсь: мне-то откуда знать. Я в жизни никого не хоронила.

До меня, наконец, доходит.

– И что, ты думаешь, Аринка заранее купила себе платье, чтоб ее в нем похоронили?

А что, похоже на Аринку. Она всегда говорила, что в любой непонятной ситуации главное – красиво выглядеть. А ситуация более чем непонятная. Внутри меня начинает клочкотать тяжелый истерический смех – как будто обрушится каменная лавина.

– А может, – робко говорю я, еще не до конца понимая, что за мысль пришла мне в голову, – это такой великодушный жест от... ее поклонника...

Даша бросает на меня цепкий взгляд:

– Какого поклонника?

Пожимаю плечами, надеясь, что выгляжу убедительно и правдоподобно. Господи, и какого черта я это брякнула?

– Ну, мало ли. У нее их много было. Какой-то несчастный, который мечтал об Аринке, узнав о ее смерти, решил на красивый жест.

– И ты даже примерно не знаешь, кто это может быть?

– Ой, куча народу, если честно! – отвечаю, пожалуй, слишком торопливо и глядя Даше прямо в глаза. – По Аринке пол-института с ума сходит!

И это правда.

– Ну что ж... Ладно. Спасибо неизвестному дарителю.

Дашка аккуратно складывает платье в коробку.

– Заберешь его? – удивляюсь я. Она смотрит вызывающе.

– Ты знаешь, сколько такое стоит? Штук двадцать. Думаешь, у нас есть лишние деньги?

Чуть раньше из кухни выглянула мама. Как раз, чтобы услышать последние Дашкины слова. Мы переглядываемся буквально полсекунды, но я успела понять, что она думает так же, как и я.

Наряжать умершую сестренку в свадебное платье, взявшееся неведомо откуда, ради экономии денег – это ... пошло. Да, пошло, именно так сказала бы мама.

Уже на пороге Дашка спрашивает:

– А почему его принесли тебе?

Один из тех вопросов, на который у меня не было ответа. За последний день других мне вообще не задают.

Ключница работает барменом в кафе под названием «Summertime».

Я там ни разу не была, но знаю, что оно находится в старом заброшенном парке недалеко от моего дома. Странное месторасположение для кафе. О парке ходит дурная слава, и даже я, новенькая в городе, о ней наслышана. Когда-то это был полноценный парк развлечений, с аттракционами, летними кафе, фонтаном и лотками с хот-догами и сладкой ватой. Но несколько лет назад там произошло, говорят, страшное убийство, так и оставшееся нераскрытым. Кажется, девушку держали в какой-то подсобке несколько дней. Издевались, насиловали, а потом забили до смерти. Кажется, работники парка об этом знали, но молчали. Или даже коллективно принимали участие.

Постепенно парк приходил в упадок, карусели ржавели, газоны зарастали одуванчиками и крапивой, и в конечном итоге в центре города образовался полудикий массив, где среди деревьев поскрипывают качели, хлопают дырявым брезентом заброшенные шатры летников, и над всем этим возвышается навеки замершее чертово колесо.

Короче, жуткое место.

Единственной живой точкой на огромной заброшенной территории было это кафе. Так говорила Аринка. Она рассказала, как идти. Заходишь через главные ворота, не доходя до фонтана, поворачиваешь налево и идешь до площадки перед открытой сценой. Напротив сцены стоит приземистое белое здание.

Перехожу дорогу и чуть медлю перед кирпичной аркой, что служит главным входом.

Утро нового дня началось отвратительно. Едва проснувшись, я поняла, что уже истосковалась по Аринке и чувствую себя отрезанным ломтем. Я устала от расспросов и любопытных взглядов – а ведь прошел всего день! Мне их еще столько предстоит вынести! Я была груба с мамой, не завтракала, собралась и отправилась к Ключнице. После встречи с ней я сразу пойду в институт. Сегодня я одета продуманно и «подобающе», взяла с собой сумку, какую-то дежурную тетрадку, телефон и кошелек, где оставалось немного мелочи на кофе.

Ныряю под арку и оказываюсь в полумраке. Из-за разросшихся деревьев здесь тенисто даже зимой. Стараясь особо не разглядывать покрытые снегом полусгнившие деревянные скамейки и скелеты аттракционов в глубине парка, быстро иду вперед по мощеной дорожке. Стоит удивительная тишина, сюда не долетает шум улицы – а ведь она совсем рядом и достаточно оживленная, и даже вороны тут не каркают. Кажется, что звук моих шагов разносится по всей территории, и вот-вот меня услышат и найдут.

Наконец, я вижу небольшой белый домик с полукруглыми окнами и большой двустворчатой дверью. В мертвом парке раздаются звуки музыки. Тяну тяжелую дверь на себя и шмыгаю внутрь.

Как будто шагнула из мистического триллера в любовную мелодраму.

В кафе тепло и уютно. Дневной свет, сочащийся из окон, гирлянда из круглых фонариков, растянутая по стене и над баром. Играет старый добрый британский рок, «Placebo», кажется.

Делаю несколько шагов вглубь. Зал почти пуст. За одним столиком сидит парень, в другом углу, возле окна – девушка, стол перед ней пуст, если не считать раскрытой книги. Когда я приближаюсь к барной стойке, то вижу, что за ней стоит молодая женщина в черной

футболке, она смотрит на меня спокойно и приветливо.

Упершись в столешницу бара грудью, рассматриваю женщину за стойкой. Она точно Ключница? В моем представлении та должна быть старше и мрачнее. Таинственной. Но девушка за баром не выглядит колдуньей из сказок со связкой огромных ключей на поясе. Я начинаю волноваться.

– Здравствуйте, слушаю вас? – любезно говорит она. Я вижу надпись на бейдже: «Лика. Бармен». Ну, по крайней мере нет сомнений в том, что она бармен. Мало ли, вдруг Ключница ушла в туалет и поставила за себя официантку.

– Мне эспresso без сахара, – говорю я пароль и внимательно смотрю за реакцией. Она с улыбкой кивает и поворачивается к кофе-машине. Черт, Аринка говорила, что пароль «Эспresso без сахара», какого хрена я добавила это «мне»? Вдруг так пароли не работают? Зачем она наполняет мне чашку этой мерзкой растворимой дрянью?

– Пятьдесят рублей, – говорит она и добавляет. – Если все же захотите добавить сахар, то сахарница на барной стойке.

Фух. Все, как и обещала Аринка.

Ключница ставит передо мной чашку с черной жижей. Я кладу купюру вместе с ключом. Цепочка еле слышно гремит. Ключница забирает подвеску и деньги. Лицо ее абсолютно невозмутимо. Положив деньги в кассу, она едва заметно кивает мне и уходит через узкую дверцу слева от витрины. Пригубив для вида кофе, и почувствовав его пыльный кислый вкус, я оглядываюсь. Парень с чашкой и девушка с книгой устали на меня, как на экспонат в Кунсткамере – с любопытством и отвращением. Черт, а я-то надеялась посидеть тут, в тихом безлюдном месте, разбирая то, что принесет мне сейчас Ключница. Похоже, лучше будет свалить в другое, более заурядное заведение.

Ключница возвращается с небольшой обувной коробкой в руках. Кладет ее передо мной и тихо, одними губами, произносит:

– Мои соболезнования.

Я киваю, зачем-то растягивая губы в улыбке, как будто меня поздравили с успехами в учебе, хватаю коробку одной рукой, другой – натягиваю капюшон, который должен спасти меня от взглядов этих странных посетителей, и быстро выметаюсь оттуда. Надеюсь, я больше никогда здесь не окажусь.

***

Напротив парка через дорогу находится наша с Аринкой любимая кофейня. Хозяева позиционируют ее как «семейный ресторан», и обстановка там действительно очень уютная, а цены – вполне себе приемлимые. Мы с Аринкой пили тут горячий шоколад с маршмеллоу и иногда, в дни, отмеченные какой-нибудь удачей, заказывали по десерту или куску пиццы. Мы обе редко носили в своих стильных кошельках больше пятисот рублей, выданных на всю неделю.

Ресторан открывается в одиннадцать, и как раз в это время я выныриваю из недр заброшенного парка. Я понятия не имею, какие у нас сегодня пары, но зачет будет на третьей – значит, не раньше половины первого, и я успею посидеть в любимом «Чемодане», выпить горячего шоколада, рассмотреть содержимое коробки и успокоиться.

Я направляюсь к пешеходному переходу.

Коробка в моих руках кажется легкой, но пальцы все равно дрожат. Я изо всех сил сжимаю ее, чтобы не выпустить и не рассыпать содержимое по земле, ничего оттуда не растерять. Я не знаю, что внутри. Возможно, дневник, который так усердно ищет Даша.

Может, Аринка незадолго до смерти решила, что там написано слишком много важных вещей. Хотя я в этом сильно сомневаюсь. Мы умны и слишком осторожны, чтобы писать в дневниках и смс-ках что-то, что хотим скрыть от других. Поэтому меня, в отличие от Дашки, не волнует пропажа дневника. Я знаю, что Аринка там писала: список дел да коротенькие приписки о том, что ее порадовало или расстроило. «Сегодня только вторник, а я уже потратила три сотни на дурацкие заколки, которые на деле оказались абсолютно бесполезными – не держатся на волосах. Снова забыла сдать книжки в библиотеку, и мне уже стыдно там показываться. Макс достал со своими «Трансформерами», на которых я вообще не хочу идти, но видимо, придется». Примерно в таком духе. Возможно, если бы ее дневник оказался в моих руках, я бы смогла, так сказать, отделить зерна от плевел, углядеть что-то важное. Но только не Дашка, которая ни черта не знает об Аринкиных делах. Но я не против, пусть носится и ищет. Хорошо, если бы нашла и читала, не путаясь под ногами.

Когда я вхожу, над головой звякает колокольчик. Несмотря на утро, в «Чемодане» уже есть посетители. Хостес приветливо улыбается и предлагает выбрать столик. Я сажусь у окна – это наше любимое место.

Мне не нужно меню, но я все равно беру его из рук официантки и пробегаю глазами. Коробка вместе с курткой, свернутой в рулетик, лежит рядом. Наверное, я просто хочу оттянуть момент.

Попросив в итоге традиционный шоколад, я, в ожидании заказа, оглядываю зал. Деревянные столики, кожаные диванчики, специально потертые, для придания атмосферы старины, на окнах – занавески в красную клеточку, тут и там чемоданы разных цветов и размеров, граммофон, стопки книг, перетянутые бечевкой и аккуратные цветочные горшки. В честь приближающегося Нового года в углу стоит нарядная елка. Уютный и на удивление продуманный интерьер.

Когда официантка ставит передо мной высокую прозрачную чашку с прицепленной к краю длинной ложечкой, я неожиданно для себя вспоминаю, что последний раз была здесь с Аринкой. Разумеется, с ней.

Мы сидели здесь вечером, кажется, в начале декабря. Город тогда только начал наряжаться в гирлянды и новогоднюю мишуру. Это был скучный вечер, Аринка раздражалась по всякой ерунде, а потом и вовсе замкнулась – на нее иногда нападало такое вот мрачное настроение. Я в такие моменты предпочитала молчать и отстраняться. После пар, которых в тот день было невозможно много, мы долго толкались в гардеробе, наконец, надели куртки, и я уже готовилась сдержанно попрощаться и отправиться домой. Меня бесило, когда у Аринки такой настрой, потому что она всякий раз пыталась сорваться на мне. Я сдерживала ее натиски, как могла, и только моя железная выдержка не доводила нас до ссоры.

Уже на крыльце Аринка внезапно буркнула:

– Пошли в «Чемодан». Посидим немного. Не хочу идти домой.

Я согласилась.

Наш любимый столик у окна был свободен, мы заказали по шоколаду, и молча смотрели – Аринка в окно, а я – на посетителей. Мне нравится наблюдать за людьми, почему-то любопытно, что они едят, пьют, читают или о чем разговаривают – наверное, я по натуре созерцатель.

– У меня такое чувство, будто за мной следят, – неожиданно сказала Аринка. Ее слова

резко выдернули меня из размышлений о собственных странностях и привычках.

– В каком смысле? – я наклонила голову ближе к ней и инстинктивно понизила голос. – С чего ты это взяла?

Бросив на меня мрачный взгляд, она снова уставилась в окно.

– Не знаю, просто чувство такое.

– Ты видела машину или...

– Да причем здесь машина? – раздраженно прервала она. – Я говорю о том, что за мной наблюдают, понимаешь? Где бы я ни была, что бы ни делала – в институте, дома, даже сейчас! Не только за делами, но и за мыслями.

Я смотрела на нее с растущим беспокойством. Паранойя?

– И как только я сделаю что-то плохое: нагрублю маме, поиздеваюсь над Лебедевой, в очередной раз обману Макса – так сразу кто-то сверху, тот, кто наблюдает, тут же заносит это в огромный журнал и недовольно хмыкает.

– Вот ты о чем... – я почувствовала облегчение. – Может, дело в приближающемся Новом годе? Ну, подведение итогов и все такое.

Она запустила в меня второй мрачный взгляд, нахмурила брови и, кажется, тоже немного успокоилась.

– Может быть. А может, я скоро умру. И боженька, Аллах, Летящий макаронный монстр или кто-то из них, начали вести досье моих плохих дел.

Я засмеялась и приготовилась получить еще один мрачный взгляд, но к удивлению, Аринка усмехнулась.

– Если я умру, то точно попаду в ад.

– Не говори ерунды. Ты не умрешь. У меня тоже бывают такие мысли перед большими дедлайнами – Новым годом, днем рождения или первым сентября. А что я успела сделать? Почему я снова все просрала?

Аринка засмеялась. Ей всегда нравилось, когда я сквернословила.

– Смерть – это тоже дедлайн, – сказала она с грустной улыбкой.

– Не важнее, чем все остальные, – ответила я и, дотянувшись до длинных прядей ее волос, слегка дернула за локон. – Не кисни.

Она внимательно посмотрела на меня, потом полезла в сумку и достала ключик на серебряистой цепочке. Маленький, с витиевато сплетенной головкой, и я подумала, что навряд ли им можно что-то открыть, он явно декоративный. Аринка положила его на стол между нами, выпрямив цепочку так, что конец остался у кончиков Аринкиных пальцев, а ключик тянулся ко мне.

– Он обычно висит в моей комнате, на углу книжной полки, – сказала Аринка, пока я рассматривала ключ. – Если со мной что-нибудь случится, ты должна прийти и забрать его. В парке есть кафе, «Саммертайм», налево от главных ворот. В кафе работает Ключница. Отдашь ключ ей, а она отдаст тебе кое-какие мои вещи.

Я слушала подругу, и мои глаза от удивления распахивались все шире. Я, конечно, знала, что Аринка мутит темные делишки, но теперь от ее слов веяло и вовсе какой-то мистикой.

– Какие вещи? – прошептала я. Аринка в ответ пожала плечами.

– Ничего особенного. В общем, ты сама решишь, что с ними делать. Только об одном прошу – пусть мое имя не попошут в грязи. Никто ничего не должен узнать. Ни мои родители, ни Дашка, ни Лебедева с ее свитой, ни Макс... Обещаешь?

Она протянула руку через стол и схватила меня за ладонь. Я кивнула, не сомневаясь ни

секунды.

– Обещаю.

Ведь я сама замешана в твоих тайнах, Арин.

Она пронзила меня взглядом, тяжелым и острым, как копье спартанца, и отпустила руку. После ловко смотала цепочку с ключом и убрала в сумку.

– Может, я сейчас его заберу? – простодушно предложила я, представляя, что пробраться к Аринке в комнату и выкрасть ключ, возможно, будет не так-то просто.

Аринка горько усмехнулась и резко застегнула молнию на сумке.

– Так ведь я еще не умерла, Насть.

Маршмеллоу в моем стакане быстро тают, превращая верхний слой напитка в розово-зефирное болотце. Я мешаю их ложечкой, топлю на дне и снова позволяю выныривать на поверхность. Похоже на тот процесс, что я проделываю со своими мыслями. Как не пытайся засунуть некоторые из них поглубже в подсознание, все равно выскакивают и ударяют прямо в лоб.

Оставив в покое и ложку, и зефики, и мысли, поворачиваюсь к обувной коробке. Темно-малиновая крышка с надписью «Calipso». Я знаю эту коробку. Аринка купила в сентябре босоножки этой фирмы – на них была огромная скидка, так как носить их было уже не сезон, и Аринка очень радовалась, что сможет надеть такую красоту летом. Уже не сможет.

Снимаю крышку.

Узкий блокнот с черной обложкой – не Аринкин дневник, а скорее телефонная книжка, которую я вижу впервые. Такая простецкая даже «совковая» вещь не в аринкином стиле.

Полиэтиленовый сверток – одного взгляда достаточно, чтобы понять: внутри пачка денег.

Бархатная красная коробочка в виде сердца: футляр для колечка.

Быстро закрываю коробку и оглядываюсь. Посетителей почти нет. Парочка в противоположном углу и мужик, торопливо жующий пасту не отрываясь от планшета. Даже официантов не видно.

Снова снимаю крышку. Сначала беру в руки пакет с деньгами – он самый безопасный. Понятия не имею, чего ожидать в футляре, а блокнот и вовсе не хочу открывать. Осторожно разворачиваю полиэтилен, и он шуршит на весь город. К счастью, это мне только кажется. Стопка в моих руках оказывается приличная. Десятки, двадцатки, полтинники. Доллары. Мать его, доллары! Что подумает официантка, вздумай она подойти, если увидит пачку долларов в руках у студентки, которая пришла в ресторан в парке на искусственном меху и с рюкзаком из кожзама? Торопливо прячу их обратно в мешок, сворачиваю. Навскидку – не меньше, чем полторы штуки баксов. Неплохо Аринка сэкономила на обедах.

Беру футляр. Бархатное красное сердечко. Такие преподносят взволнованные молодые люди своим избранницам в надежде услышать «да». Открываю. Хм, кольцо – ничего неожиданного. Выдергиваю его из гнезда и разглядываю. Массивное золотое кольцо, в центре – приличный такой камень, карата в два-три. Рубин или гранат? Думаю, рубин. Гранат вроде бы темнее. Такое сейчас не купишь в ювелирных магазинах, оно выглядит старинной реликвией.

Но откуда у Аринки такое дорогущее кольцо? Дорогущее по меркам этого города и окружающих Аринку парней. Если бы подарил кто-то из ее поклонников, я бы точно об этом знала. Да господи, об этом бы тут же узнал весь универ и весь город, и плевать ей бы было на

чувства Макса! С чего бы ей прятать кольцо в обувной коробке? Украла она его, что ли? Нахрена?

Кладу кольцо обратно в футляр, возвращаю в коробку. Остался блокнот. Я вижу его впервые. Обложка скреплена резинкой, чтобы блокнот оставался закрытым. Отодвигаю резинку, и она обвисает позади блокнота петлей. Кожа потерта, в углу отеснен значок типографии. Стремный блокнот. В моем представлении такие носили лысые партийные деятели во внутреннем кармане пиджака, и доставали оттуда, заходя в телефонную будку.

Аринка не придерживалась букв, указанных в уголках страниц. Она просто писала имена подряд, и ниже – номера телефонов. Иногда добавляла адрес, или даже «айди» социальной сети. Она составляла список.

Я листаю страницы.

«Эльмир Амирович Мазитов... Эмма Свиридова (художница) ... Марина Чуркина... Кантимиров Радмир... Олег Вавилов (техфак)... Ксения Куликова...».

Многих я знаю. И я, кажется, поняла, что они делают в этом блокноте. Я листаю, чувствуя внутри нарастающую дрожь. Руки начинают трястись. Я боюсь найти в этом блокноте свое имя. Глаза застилают слезы, и буквы расплываются. Раздраженно тру ресницы. Блокнот закончен. Моего имени там нет. Но последние два имени заставляют меня замереть.

«Дима Суханкин». Рядом стоял номер его телефона.

«Ваня Щербаков». Имя Ваньки Аринка обвела в кружок.

Прежде, чем идти в институт, я занесла коробку домой. Не знаю, где носило мать, но то, что дома ее не было, оказалось очень кстати. Немного пометавшись по нашей крошечной квартирке, я засунула коробку под диван, в отсек, где лежали мои одеяло с подушкой, комплект белья и плед. В него я и завернула коробку. Сразу появилось чувство, что в доме теперь хранится бомба, причем, ее детонатор не в моих руках.

В институт почти бегу, понимая, что опаздываю. Не хочу лишний раз привлекать к себе внимание, его и так будет, хоть ложкой ешь. О коробке стараюсь не думать, но получается плохо. Деньги я могу отдать аринкиной семье, подкинуть, оставшись анонимным дарителем. Или отнести в какой-нибудь благотворительный фонд. Или себе оставить. Какая эгоистичная, но приятная мысль. В конце концов, будь Аринка жива, эти деньги не достались бы ни ее семье, ни больным детям. Кольцо вызывает любопытство. Пожалуй, я попытаюсь выяснить, кто его подарил. А вот блокнот... Его хочется сжечь на большом костре, а пепел развеять по ветру. Причем уверена, когда он будет гореть, то будет пищать как какая-нибудь колдовская тварь. От мысли, что он лежит дома, в диване, на котором я сплю, по спине бегут мурашки. Как будто блокнот источает радиацию.

Я подхожу к перекрестку перед институтом, когда над ухом раздается голос:

– Привет!

Поворачиваю голову, утыкаюсь в ворот светло-серого пуховика. Поднимаю взгляд – Ванька.

– Привет, – бросаю я куда-то ему в грудь и не сбавляю шага. Он идет рядом. Значит, это был не просто «привет, раз уж мы знакомы, и я пошел дальше», а «привет, давай поболтаем». Я поднимаю на него взгляд и чуть заметно улыбаюсь, чтобы смягчить резкость своего поведения.

– Как дела? – спрашивает он. Я немного замедляю шаг. Может, хочу растянуть наш совместный путь до универа, может – на бегу неудобно разговаривать.

– Ничего, – отвечаю я и пожимаю плечами. Парка, слава богу, скрадывает это нелепое движение. – Ничего хорошего, собственно.

Перед Ваней я не хочу быть вежливо отстраненной. Он заслуживает искренности. Лучший друг Макса, мы познакомились, когда тот начал приударять за Аринкой, во вторую неделю сентября. Аринка принимала ухаживания, одновременно мониторя остальных возможных кандидатов на роль ее парня, и быстро пришла к выводу, что Макс – неплохой вариант, да и к тому же настолько в нее втрескался, что кастинг может продолжиться и во время их отношений. Впрочем, Аринка пеклась о своей репутации, так что об изменах речи не шло. Она просто коллекционировала поклонников, не говоря им ни да, ни нет.

Отношения с Максом у нас сразу не сложились, поэтому мы довольно редко встречались вчетвером – я, Аринка, Макс и Ванька. Все эти совместные тусовки я помню наперечет. Сложно забыть собственное глупое поведение, зажатость и высказывания невпопад на фоне сверкания Аркинкиной звезды остроумия и изящества.

– Понимаю, – отвечает он. – Решили, когда похороны?

– Завтра.

Если бы твой лучший друг Максим не прятался от Авзаловых, то владел бы информацией. Я вдруг раздражаюсь. Уж не засланец ли ты, милый Ваня?

– А что, Макс не в курсе? – я надеюсь, что мой голос звучит отстраненно, но, по-моему, получилось холодно и саркастически.

Ванька молчит. Отличная тактика, просто класс! Можно я тоже буду попросту игнорировать все вопросы?

– Не обижайся на Макса, – говорит вдруг Ванька. Грустно и серьезно.

– Обижаться на Макса? Да что ты? Он меня за косичку дернул или конфету отобрал, чтоб я на него обижалась? – сарказма уже не скрываю, раздражения тоже. Нашелся защитничек!

Ванька резко останавливается, и, придерживая за рукав, останавливает и меня.

– Слушай, я понимаю, что ты на него злишься.

Мы стоим на перекресте, горит зеленый, и людская волна обтекает нас, как прибрежный камень.

– Вчера он повел себя как мудака, не спорю. Он не должен был так с тобой разговаривать. Я решаюсь поднять на него взгляд, он держит меня за рукав.

– Но его тоже можно понять – он в полном ауте от того, что произошло. Даже я не знаю, что с ним творится, он ничего толком не говорит.

– Откуда у него синяк на пол-лица? – я в кои-то веки не мямлю, разговаривая с ним. Аринкина смерть, кажется, многое во мне меняет.

– Не знаю.

Ой, правда?

– Они встречались с Аринкой в воскресенье? В день ее смерти? – Вот! Наконец-то я задаю вопросы! Ванька отпускает мой рукав и немного отстраняется. Он не хочет отвечать.

– Спроси у него сама.

Снова горит зеленый, и мы начинаем переходить улицу. До универа осталось всего ничего. В фойе мы разойдемся – Ванька, как и Макс, учится на курс старше, на технологическом факультете, на самом модном и дорогом отделении – «финансы и предпринимательство». Он пойдет в одну сторону, я – в другую, и маловероятно, что мы хоть когда-нибудь еще раз будем вот так идти вдвоем и разговаривать. После перекрестка я замедляю шаг, он – тоже. Мы безбожно опаздываем на третью пару.

– Спросишь у него, как же, – ворчу я. – Мне страшно ему на глаза показываться, этому неадекватному придурку.

Ванька усмехается. Почему всем так нравится, когда я ругаюсь? Аринка говорила, что моя милая внешность не сочетается со сквернословием, и когда я начинаю выражаться, то выгляжу, как ребенок, который нахватался в садике матерных слов и не понимает их значения.

– Не бойся, – отвечает Ванька. – Он больше тебя не обидит. Я не позволю.

Смотрю на него удивленно, и наши взгляды сталкиваются. Я смущаюсь и снова чувствую себя глупой гусыней, которая не может и трех слов связать – как всегда в его обществе. Остаток пути мы идем молча.

В фойе меня встречает Суханкин.

Мы с Ванькой мешкаем у гардероба, не зная, как распрощаться.

– Ну ладно, увидимся, – он улыбается, и я не хочу его отпускать. Суханкин подходит ближе.

– Настя! А я тебя жду.

Мне хочется повернуться и послать его куда подальше, а лучше просто молча дать

подзатыльник. Кто дал ему право вести расследование Аринкиной смерти? С чего он решил, что может безоговорочно получить мой номер телефона, явиться в институт, подходить ко мне и расспрашивать с таким видом, будто мы все тут подозреваемые, а он один умный в белом пальто стоит красивый? Больше всего бесит, что отшить его не получится – вызывает лишние подозрения.

Я замечаю удивленный взгляд, который бросает на него Ванька, и кричу:

– Подожди!

Ванька замирает. Господи, какая же я дура.

– Я хотела сказать... Что.. – Что, блин? Дима стоит рядом и греет уши, я прямо вижу, как они увеличились и заострились. – Ты придешь на похороны?

– Конечно.

– Хорошо. Спасибо за твою поддержку.

Ну вы только гляньте на эту идиотку в мешковатой парке! С чего ты взяла, что он придет на похороны поддерживать тебя?

Однако мои слова не вызвали у Вани ни удивления, ни усмешки. Он обнимает меня за плечи одной рукой. На секунду моя щека прижимается к молнии на его пуховике.

– Пожалуйста, – говорит он. Отпускает меня и уходит, бросив на Диму вызывающий взгляд. Я готова танцевать от счастья, и мне теперь не страшен сам серый волк. Я чуть медлю – намеренно, показывая, насколько неважно для меня присутствие этого недоделанного следопыта, – потом поворачиваюсь с усталым вздохом.

– Что ты тут делаешь?

Он не выглядит смущенным. Он смотрит мимо меня. Слежу за его взглядом, и вижу Ваньку, тот стоит недалеко от входа в буфет в компании одноклассников.

– Кто это был? – спрашивает он. Ха! Видали наглёж?

– Знакомый один.

– Твой молодой человек? – Суханкин, наконец, отводит взгляд от Вани и смотрит на меня. Я чувствую себя мухой, кружащейся вокруг ленты-липучки на опасном расстоянии.

Как бы мне ни хотелось припечатать его, сказав гордое «да», приходится говорить правду.

– Нет.

Он усмехается.

– Ясно. Насть, я приехал просить тебя помочь. Вчера весь «старый город» перевернул, никто не знает толком, где живет этот Максим Назаров. Потом до меня дошло, что нужно просто выцепить его в институте. Ты же знаешь, в какой группе он учится? Можешь показать мне его? Даша скинула пару фоток, но подстраховаться не помешает.

Подстраховаться ему не помешает! А я что должна делать? Привести его к аудитории и ткнуть пальцем в Макса?

Я молчу, взывая к собственной дипломатичности.

– Я скажу номер его группы, но вычислять его придется тебе самому. Извини, но в этом деле я тебе не помощница. Если Макс не выходит на связь, значит, у него есть причины, или он не хочет, чтоб его трогали. Его любимая девушка умерла, он не какой-то сосед по подъезду, он был ее парнем. И я могу его понять. Мне тоже очень хочется, чтоб меня просто оставили в покое!

Надеюсь, ты провел все аналогии? Метод дедукции должен быть вам знаком, мистер Шерлок.

Дима ничуть не смущен. Он прожигает меня взглядом и кривит губы в усмешке.

– А я, кажется, уже вычислил.

Он переводит взгляд в сторону буфета. Я поворачиваюсь и вижу Ваню с Максом, они тоже смотрят на нас. Макс выглядит злым и обеспокоенным.

– Это же он, да?

Они втроем не спускают с меня глаз – Макс, Ваня и Суханкин. Я словно под прицелом. Они все увидят, если я кивну.

– Вот иди к нему и спроси.

Разворачиваюсь и иду к гардеробу, на ходу стаскивая куртку. Суханкин догоняет и хватается меня за руку.

– Настя, – говорит он тихо, – я не пойму, откуда столько агрессии? Я думал, мы на одной стороне, и ты тоже хочешь выяснить, что случилось с Аришкой.

Ах ты чертов манипулятор!

Выдергиваю руку и отдаю куртку гардеробщице.

– Не знала, что мы тут разделились на стороны. Если так, то я на своей собственной стороне, не впутывай меня в свои дела.

Так, кажется, я наживаю себе врагов с завидной скоростью.

Гардеробщица приносит номерок, сую его в сумку и добавляю:

– Извини. Я не хочу ничего выяснять. Пока я пытаюсь осознать, что моя лучшая подруга покончила с собой, что я теперь вынуждена как-то жить с этим. Может, позже я смогу что-то расследовать, анализировать... но сейчас мне не до этого.

Он кивает с улыбкой и отходит в сторону. Я иду к лестнице и краем глаза вижу, что он направляется в сторону Макса и Вани.

***

Поднимаясь по лестнице, понимаю, что на зачет я безнадежно опоздала. Звонок на пару прозвенел, видимо, еще до того, как мы с Ваней зашли в универ. Мы с Ваней. Какое занятное словосочетание. Интересно, что они скажут Суханкину. Макс видел Аринку в тот день или нет? По словам Даши, она ушла из дома около пяти вечера, а с Башни прыгнула в полночь. Что она делала все это время и где была – вот что мы все пытаемся понять. Восстановить последовательность событий. Пока ни на шаг не продвинулись. Я, конечно, кое-что знаю, но Аринка достанет меня и с того света, если расскажу.

Она ходила на свидание. На опасное и интересное свидание. Разумеется, не с Максом, потому это и было опасным. Но если Аринка видела цель, то мчалась на нее, как бык на красную тряпку. Она всегда смеялась над этим сравнением. «Я же телец по гороскопу! Лучше сказать – телочка».

Подхожу к аудитории и понимаю, что зачет или еще не начался, или уже закончен – в коридоре слышна болтовня моей группы. С порога меня встречают приветственные возгласы. Я едва сдерживаюсь, чтоб не поморщиться.

– Зачета еще не было? – с надеждой спрашиваю я. Чтобы не происходило, но вылететь из универа не очень хочется. Потому что один фиг придется сюда же и восстанавливаться.

– Был!

Марька и ее подружки загалдели одновременно, сверкая выпученными глазами.

– Всем автоматом!

– Из-за Авзаловой!

– Сказала, мол, вам и так нелегко, ребятки!

– И тебе тоже поставила.

Марька тщетно пытается всех успокоить и орет громче остальных. Я сажусь на пустую парту позади них. На соседнем ряду немногочисленные мальчишки нашей группы играют в карты.

– Насть! – Чуркиной, наконец, удалось всех перекричать. – Тебя Мазитов вызывал. Секретарша просила передать, чтоб ты шла к нему в кабинет, как только появишься.

Ну, началось.

Мазитов Эльмир Амирович, замдекана по воспитательной части.

Первый в Аринкином списке.

Перед глазами всплывает блокнот в черной обложке, перетянутой резинкой. И имена на страницах, написанные Аринкиной рукой.

– У нас еще есть пары?

– Лекция по статистике и все, – отвечает Марька. – Ты слышала, что я сказала? Иди к Мазитову.

Или Мазитов придет за тобой.

Я невольно хмыкаю, поднимаюсь и иду к выходу.

С Мазитовым Аринка познакомила меня в начале октября. Мы с ней тогда уже, что называется, в десны лобызались и ходили, как приклеенные. Она все больше узнавала о моем горьком прошлом, а я все глубже погружалась в ее тайны. Мазитов был одной из них.

Деканат, как и вся административная часть универа, находится на втором этаже. Я не очень тороплюсь, спускаясь по лестнице. Пусть до звонка останется как можно меньше времени, чтоб у меня был повод сбежать.

В просторной приемной деканата посередине стоит стол секретарши, направо и налево – две массивные двери, напротив друг друга: за одной сидит декан нашего факультета, за второй – его замы. Их два: по воспитательной части и по учебно-методической. Но второй зам в основном, обитает в своей учебной аудитории, так что просторный кабинет остался полностью в распоряжении Мазитова.

Вяло объясняю секретарше, по какому поводу явилась. Она кивает в сторону левой двери и снова погружается в монитор компьютера. Выжидаю паузу после короткого стука и захожу.

Эльмир Амирович сидит за столом, и не торопится обращать на меня внимание. Меня всегда бесила эта гиперважность в его манерах. Наверное, это характерная черта всех молодых преподав.

Его считают приятным на внешность. Это я не так давно узнала. На мой вкус – излишне слащав, да и черты лица ярко национальны – круглая голова, широкие скулы, раскосые глаза, которые придают выражение извечной усмешки, пухлые губы. Бабуля, будь она жива и повстречай его, назвала бы «брыластым». Но девчонки на курсе хихикали и шутили на его счет, бойко вели с ним диалог, когда он заходил с каким-нибудь объявлением. Он не стеснялся, было видно, что ему не в новь купаться во внимании юных студенток. Но я на дух не перевариваю подобных липких типов. Аринка тоже, но она уверяла меня, что «Амирыч», при всем своем раздутом самомнении и повадках кота, добрый и отзывчивый. Убедиться в этом мне пока не пришлось.

Наконец, он поднимает на меня взгляд, тепло улыбается, но я вижу только хитрую ухмылку, к тому же, успеваю заметить, как глаза его скользнули по моей груди, обтянутой черной водолазкой.

– Аааа, Настя Нагаева! Ну проходи. Кофе?

Когда Аринка привела меня к нему знакомиться, мы тоже пили кофе. Это было, когда она начала посвящать меня в свои планы.

На большой перемене, между второй и третьей парой, мы, выйдя из аудитории, спускались по лестнице. Я думала, что мы идем вниз – буфет или в столовую, как обычно, однако на втором этаже Аринка меня затормозила.

– Сегодня мы приглашены на кофе-брейк в более интересное место.

Она потащила меня по этажу мимо кабинетов кафедр и бухгалтерии.

– Тебе в деканат что ли надо?

– Да, и тебе тоже.

– Зачем?

– Хочу тебя кое с кем познакомить.

– Кого я, по-твоему, не знаю в деканате?

Я начала психовать, потому что, во-первых, собиралась перекусить на перемене, а во-вторых, ненавидела эту манеру Аринки – хихикать и, ничего не объясняя, куда-то меня тянуть. Подобные эскапады не всегда были такими уж интересными, как Аринка пыталась обставить: мы то выискивали Макса, то курили в туалете старого корпуса, то изучали расписание старших курсов, потому что Аринке, видите ли, захотелось попасться на глаза очередному симпатичному старшекурснику.

Приемная пустовала – у секретарши был обеденный перерыв. Аринка направилась к левой двери и коротко и громко постучала.

– Что за игривый перестук, – проворчала я, подумав, что Аринке в искусстве флирта равных нет – она даже в дверь стучится кокетливо.

Мы вошли, Аринка захихикала и протянула:

– Здравствуйте! Можно?

Знаю я эту улыбочку диснеевской принцессы.

– Ааа, вот и Ариночка! Проходите.

Мазитов, чуть помедлив, поднял-таки свою пятую точку и вышел из-за стола.

– Будете кофе, девочки?

Девочки уселись за длинный стол, располагавшийся перед столом «Амирыча», он щелкнул кнопкой электрического чайника, и пока вода грелась, они с Аринкой разговаривали о всякой ерунде. Я помалкивала, сидела на краешке стула и чувствовала себя крайне неудобно.

Мазитов расспрашивал об учебе, о преподах, Аринка отвечала, и не стеснялась в выражениях, давая учителям ироничные и порой даже грубые характеристики. Мазитов довольно смеялся. Когда закипел чайник, он сделал нам по кружке растворимого кофе, бросил в него рафинад, пальцами выудив куски из замызганной сахарницы. Я к своему кофе не притронулась. Заметив это, он обратился ко мне:

– Не стесняйся, кукла, кофе у меня хороший, дорогой!

Сто пятьдесят рублей? Хороший кофе растворимым не бывает. Для приличия пришлось сделать маленький глоток, я сразу ощутила, как пыль мексиканских дорог осела у меня во рту.

– А куклу, кстати, зовут Настей! – встряла Аринка. – И она моя лучшая подруга!

Произнесено это было таким авторитетным тоном, словно Аринка хотела дать понять, какой вес я имею в этом мире. Здравствуйте, я кукла – лучшая подруга Арины Авзаловой.

К слову, я не в восторге от этой характеристики – кукла. Почему-то уже несколько человек с курса, в том числе и Аринка, так меня называют. Когда я спросила, с какой стати, то Аринка ответила, что я лупоглазая, и волосы у меня блестящие и плотные, словно я в парике. Тут же последовал вопрос, каким шампунем я пользуюсь. Волосы всегда были предметом моей гордости и Аринкиной зависти. Я обычно просто называла марку средств, что стояли у меня в ванной, не вдаваясь в детали, что в мои волосы вбухана половина стоимости «однушки» в Арслане. Два года регулярного биоламинирования и кератинового восстановления – вот и весь секрет. Скоро, впрочем, волосы потускнеют, начнут пушиться от влажного воздуха, а от постоянной сушки феном мне обеспечены секущиеся концы.

– Так что, Эльмир Амирович, если вдруг меня не будет, можете смело обращаться к ней! – торжественно закончила Аринка. Мазитов смотрел на меня с любопытством. Пытаясь скрыться от его взгляда, я сделала еще один глоток черной бурды.

Через несколько минут, незадолго до звонка, мы попрощались – Аринка весело и с прибаутками – «до встречи, милый человечек», я же сдержанно кивнула, – и ушли. В коридоре я остановила подругу, полная решимости узнать, что связывает ее с этим скользким типом.

Аринка улыбнулась уже другой, немного усталой улыбкой. Подобную метаморфозу я наблюдала не раз: вот она флиртует со старшекурсником, прикрывая глаза и выпуская ямочки на щеки, вот – мило дуется на Макса, вот – чуть насмешиливо и важно общается с девчонками на курсе, смотрит с презрительной ухмылкой на Женечку Лебедеву. И только когда мы наедине, а наедине мы с ней можем быть и в толпе людей, Аринка снимает эти маски и становится собой. Разной: злобной, отчаянной, эмоциональной, и очень часто – усталой и несчастливой. Это все не то, чего я хочу на самом деле – вот что говорит ее вид в такие минуты. Первое, что я поняла о ней с момента нашего знакомства, который практически сразу перерос в дружбу – она скрывает от всех свой острый ум и наблюдательность. В этом мы с ней похожи, как мне хочется думать. Второе – она почти всегда притворяется. И даже я не уверена, в какой момент она врет, а в какой – говорит искренне.

Коридор почти пуст – на административном этаже редко шарахаются студенты, тем более, сейчас – вот-вот должен прозвенеть звонок.

– Он мне нужен, – ответила Аринка на мой вопрос. – Насть, я хочу перевестись на бюджет.

Это невозможно. На нашем отделении всего пятьдесят бюджетных мест, и они распределяются по всем пяти курсам. На бюджет попадают либо через высокие вступительные баллы, либо через огромную взятку. Причем взятка – более реальный вариант.

Я смотрела на Аринку и хмурила брови.

– Что, проблемы у родителей? Денег нет на обучение?

Она взглянула на меня снисходительно:

– Денег у нас никогда нет, но я не из-за родителей хочу. Пусть платят. Мне. Сто двадцать тысяч в год – круто, а? Почти полляма отложу к концу пятого курса.

– Зачем? – потрясенно спросила я, и тут же осеклась от глупости собственного вопроса. Аринка рассмеялась и не стала отвечать. Мы молча пошли по коридору. У выхода на лестницу, прежде, чем нырнуть в шумный поток шатающихся студентов, я снова остановила ее.

– А как Мазитов тебе в этом поможет?

Аринка снова нацепила насмешливую улыбочку, но я знала это выражение отчаянной решимости, мол, плевать, а я вот так вот сделаю!

– Ну, я помогу ему, а он – мне!

Я схватила ее за руку:

– Ты с ним спишь?!

Аринка посмотрела на меня восхищенно и рассмеялась. Видимо, ее приятно удивило, что я могу говорить на такие щекотливые темы откровенно и не жеманничая.

– Нет, и надеюсь, до этого не дойдет!

Мы пошли на пару, и там, на одной из задних парт, Аринка шепотом рассказала мне, что Мазитов – сын одного старого приятеля ее отца, что отец Аринки и отец Мазитова когда-то вместе работали на заводе. Родители Аринки знали, что Эльмир сейчас важное лицо в универе, но попросить как-то пропихнуть дочь на бюджет им не позволяла гордость. Об этом Аринка говорила с презрением и ненавистью. Когда она узнала, что у ее собственных родителей есть такие полезные связи, то устроила им истерику и скандал, а потом сама пошла к Мазитову представляться и знакомиться. Пока они просто болтали и несколько раз пили кофе.

– По-моему, я ему нравлюсь, я его забавляю, – говорила Аринка. – Он сам пишет смс, мол, приходи посплетничать. Может, ему нужна инфа о преподах или о студентах. Не знаю. Но ему явно хочется, чтоб наше общение продолжалось. Надеюсь, тот факт, что наши родители дружат, удержит его от желания меня трахнуть.

На языке так и крутился вопрос: а если нет, ты согласишься? Но я промолчала. Спросила только, как она собирается просить его о такой огромной услуге, как перевод на бюджет, и что даст взамен. Но Аринка только пожала плечами. Тогда она не посвятила меня в свои планы.

Пока Мазитов возится с чайником и чашками, я продолжаю стоять, как вкопанная. Он предложил мне присаживаться, но желания рассиживать с ним за одним столом, мирно попивая кофе, у меня нет.

Повернувшись, он обращает внимание на мой суровый вид, и ухмылочка сползает с его лица. Он повторяет приглашение садиться, и даже немного отодвигает стул. Но я и шага не делаю. Дверь, ведущая обратно, в приемную, так близко к моей спине, что я могу на нее опереться.

– Спасибо, я постою, – отвечаю я с каменным лицом. – И кофе тоже не буду. Я не пью растворимый.

Вот так тебе, козел. Сам давись своей мерзкой жижей, мня себя эстетом. Купил банку кофе чуть дороже двухсот рублей и думаешь мнить себя аристократом?

Мазитов неуверенно ставит кружку на стол, все еще предлагая ее мне. Вторую он держит в руках и садится в кожаное кресло – на свое место.

– Ну ладно, – наконец, выдавливает он. – Ты расстроена, это видно. Я тебя понимаю. Ужасное происшествие. Из-за чего она..?

Из-за чего она выбросилась с Кричащей Башни, упала на землю, в снег, с двенадцатого этажа? Разбила свое красивое тело в лепешку, переломала кости, проломила череп? Договаривай, трус.

Вслух я только пожимаю плечами.

– Ну ладно, – повторяет он. – Когда похороны?

– Завтра.

– Ммм.

Видно, что ему не по себе в моем присутствии, и, если честно, я сама не знаю, чего добиваюсь своим поведением оскорбленной леди. Еще одного врага?

– У нее проблемы с учебой, что ли? Были? – спрашивает он между глотками. Я качаю головой. – А у тебя как?

– Все в порядке, спасибо. Сегодня вот зачет получила автоматом.

– Молодец. Молодец.

Он отпивает кофе и замолкает. Я продолжаю стоять у порога, мечтая уйти куда-нибудь подальше от этого человека в костюме с двубортным пиджаком темно-синего цвета. Председатель колхоза, ей-богу.

Глядя, как он нервно перебирает на столе бумажки, и слушая, как бормочет свое «ну, ладно, ладно», я решаю ему помочь.

– Эльмир Амирович, – говорю я, стараясь, чтоб голос звучал спокойно и твердо. – Вам не о чем волноваться. Аринкины тайны умерли вместе с ней.

Он на секунду замирает. Оставляет в покое бумажки, медленно отодвигает кофе и поднимает на меня взгляд. Глядя в эти черные бусины, я понимаю, что зря выдала свой спич. Его глаза наполняются ненавистью. Уголки губ опускаются вниз, придавая щекастой физиономии вид злобного клоуна. Он встает, обходит стол и, приближаясь ко мне, говорит, медленно и тихо:

– Беспокоиться? А я ни о чем и не беспокоюсь.

Его лицо буквально упирается в мой нос. От него пахнет ментолом и дешевым мужским шампунем.

– Ты кем себя возомнила, девка? – его шепот ядовитой змеей проскальзывает в уши и заползает в мозг. – Угрожать мне вздумала? Беспокоиться! Это ты должна беспокоиться, что я по щелчку, – он прищелкивает пальцами у моих глаз, как цыганка во время танца, – выкину тебя не только из института, но и из города! Даже заикаться не вздумай, поняла? Забудь все, что тебя связывало с Авзаловой! Она была той еще штучкой, но и на нее, как видишь, нашлась управа. А с тобой, кукла, и возиться не будут.

Интересно, что это значит. Кто эти некто, которые «не будут» со мной возиться?

Я чувствую, как промокла ткань водолазки подмышками.

Он отстраняется, и губы его все больше кривятся в злой гримасе. Я вижу, как они трясутся. Я знаю, что он испуган. Почти так же, как и я.

– Пшла вон.

Я разворачиваюсь и дрожащими руками берусь за ручку.

– Стой. – Он упирается в дверь рукой, так, что я не могу ее открыть. – У вас там были проблемы с какой-то первокурсницей.

У нас были проблемы? А мы-то с Аринкой думали, что проблемы у тебя!

– Как ее зовут?

Перед моими глазами начинают переворачиваться страницы Аринкиного блокнота.

– Цуркан Аня, – отвечаю я.

– И что там с этой Цуркан?

– Аринка со всем разобралась, – вру я, мечтая только об одном: выйти отсюда.

– Будем надеяться.

Он опускает руку, и я пробкой вылетаю в приемную. Не обращая внимания на удивленную секретаршу, выбегаю в коридор и мчусь к лестнице.

Это моя третья встреча с Мазитовым Эльмиром Амировичем. Я имею в виду, близкая встреча, не считая те, когда он заходил к нам в аудиторию сделать какое-то объявление. Первая – когда Аринка привела меня к нему знакомиться. Вторая – один из самых жутких моментов в моей жизни. Хуже даже, чем эта, третья. Настолько худая, что я мечтаю о ней забыть.

На последнюю лекцию в сегодняшнем расписании я, наконец-то, прихожу вовремя. Аудитория набита под завязку, но я без труда нахожу место – услужливая Марька, оказывается, заняла для меня половину парты.

Курс шумит, смеется и громко обсуждает сессию и предстоящие праздники. Когда я вошла сюда минутой назад, большая часть народа, как и вчера, смущенно примолкла, но тишина не была уже такой глубокой и почтительной. Чужая смерть – это всего лишь напоминание, что нужно торопиться жить и радоваться каждой минуте.

Окидываю взглядом однокурсников, пока Марька безуспешно пытается выяснить, зачем я понадобилась Мазитову. Отвечаю невпопад какую-то ерунду, занятая своими мыслями. Когда я бежала сюда, в другое крыло корпуса, из кабинета замдекана, то в моей голове промелькнуло несколько возможных выходов: первый, самый отчаянный, – пойти к кому-то повыше (моя мятущаяся душа даже ректора представила) и рассказать, что Мазитов мне угрожает, шантажирует и объяснить, почему. Тогда я подставлю Аринку, хотя возможно, все же удастся приврать и обстряпать все так, что мы обе останемся в белом. Есть, конечно, Аня Цуркан, и я в страхе соврала Мазитову: она на самом деле ни черта не решенная проблема, но может, удастся заполучить ее как союзницу? Ерунда, какой ректор встанет на сторону несчастных первокурсниц, ставя под удар репутацию замдекана и вуза в целом? Нас тихо сольют на ближайшей сессии, или вовсе осудят за клевету.

Второй возможный вариант – уйти самой из этого дурацкого универа. Я ненавижу экономику, ни черта в ней не понимаю, и считаю эту сферу деятельности самой скучной. Но в Арслане всего два вуза: наш, технолого-экономический, и второй, «педюшник». В принципе, а почему бы и нет? Цена обучения там наверняка ниже, пошла бы на какой-нибудь филологический: читать я люблю, английский хорошо знаю, испанский начала изучать, перед тем, как все рухнуло. Перевестись и дело с концом. Даже в рамках крошечного провинциального городишки можно начать все заново. Я бы сразу покончила и с аринкиными тайнами, и с Мазитовым, и с Максом. Одно «но»: мой придурок-папаша не согласится. Он промониторил все специальности обоих вузов, и пришел к выводу, что экономика и бухучет из них самая перспективная, и только за это он согласен платить. Ха, а год назад собирался отправить меня в МГИМО, лицемерный ублюдок.

Сижу и мысленно проговариваю диалог с отцом на тему моего перевода. Я не говорила с ним полгода, и собиралась не разговаривать всю оставшуюся жизнь. Но что поделать, планы меняются. Ладно, может, Мазитов перебесится, успокоится и забудет обо всей этой дрянной истории, о нашем участии в ней, об аринкиной смерти...

Звенит звонок, курс притихает и садится на места, но ненадолго: препода все еще нет. Марька протягивает мне шоколадный батончик. Я смотрю на «киткат» и понимаю, что не ела со вчерашнего дня. Благодарю Марьку и разрываю обертку. Марька улыбается, довольная от того, что ее жест пришелся кстати.

Вот что ей тоже от меня надо? Не верю в искреннее сопереживание, хоть убейте. Искося поглядываю, как она листает лекционную тетрадь. Симпатичная, ей даже к лицу эти десять (или сколько, пятнадцать?) килограммов лишнего веса. Придают такую приятную полноту. Чистая кожа – редкость для промышленного региона, где нефтебаза стоит в черте города, округлые щечки, большие серые глаза – даже слишком большие, что называется, навывкате.

Пострижена только нелепо – то ли «каре на ножке», то ли отросшая стрижка «под мальчика», и одевается стремно. Причем, всегда ходит в одном и том же: широкая блуза с орнаментом и затертые джинсы, огромный тряпичный рюкзак – недохиппи какая-то, ей-богу. Но самое ужасное в ней то, что она есть в аринкином списке.

Перед глазами снова бегут страницы.

Мазитов Эльмир Амирович

Эмма Свиридова (художница)

Марина Чуркина

Дима Суханкин

Ваня Щербаков...

Марька об этом, понятно, не знает. Но у нее должно хватать причин, чтобы, мягко говоря, недолюбливать Аринку, ну и меня, как ее неразрывную часть.

Мы с Аринкой никогда не были приятными особами, если дело не касалось противоположного пола. Мне-то в принципе по барабану, кого обливать холодом, но вот Аринка была милой исключительно с парнями. На девчонок она в лучшем случае не обращала внимания.

На первом же знакомстве студсовета с первашами Аринку, благодаря ее бойкости, смазливости и тому, что она успела познакомиться с приличной частью старшекурсников, назначили старостой всего потока и одновременно старостой нашей группы. Марьку это сильно обидело. Позже проявились ее лидерские замашки, она не раз старательно упоминала, что была старостой на протяжении всей учебы в школе, и не прочь проявить свой организаторский талант и тут, в универе, хотя бы в рамках группы. Нет, она не пыталась подвинуть Аринку – кишка тонка, Марька старалась к нам притереться, подружиться. Как-то раз она откровенно заявила, что у старосты должен быть зам, и она рада предложить свою кандидатуру. На что Аринка, смеясь, заявила, что ее единственным замом по жизни являюсь я, Настя Нагаева. В общем, все попытки Марьки подружиться с нами наталкивались на колкости и насмешки.

Посему я сижу и задаюсь вопросом: какого черта ей от меня надо? Чтобы я, как официальный Аринкин представитель, передала ей должность старосты?

Радостный щебет стоит вокруг Жени Лебедевой. Эта девица считает себя Аринкиной соперницей. Как и все, вначале она пыталась с ней подружиться («красавицы должны держаться вместе»), за что была высмеяна Аринкой и послана подальше. После чего Женя объявила нам холодную войну и всюду пыталась перейти Аринке дорогу. Выбила себе место старосты своей группы, окружила себя «фрейлинами» (королеве, мол, положен двор), мило щебетала с мальчишками и копила поклонников. Но Аринке она все равно всегда и во всем проигрывала: с обязанностями старосты не справлялась и вечно косячила, училась посредственно, подруги о ней сплетничали, а в коллекции поклонников не было ни одного по-настоящему ценного экспоната (как мы думали до поры до времени). Но на вид она и впрямь была симпатичной: блондинка со стройной фигурой, наряженной в стильные шмоточки.

Нахожу ее в кругу товарок, и мой внутренний монолог осекается: сегодня Женя выглядит на удивление плохо. Волосы собраны в небрежный пучок, на лице нет косметики, отчего оно кажется «голым», будто кожу содрали. Она надела джинсы и простой свитер с вытянутыми локтями. Несмотря на бойкую болтовню своих подружек, она сидит молча, будто не с ними, и кажется, погружена в какие-то нелегкие думы. Что это с ней? Неужто,

печалится об Аринке?

Женя поднимает глаза и ловит на себе мой взгляд. Тут же испуганно краснеет, и практически ложится на парту, скрываясь от взгляда за спины других девчонок.

Я уже не раз замечаю за ней эту странную реакцию. С чего бы ей меня бояться? Думает, что я начну ее обличать в ненависти к умершей Аринке? Ну, к счастью для Жени, Аринка только смеялась над ней и никогда не воспринимала как серьезную соперницу.

Преподавательница возвращается, и все разочарованно замолкают. На лекции мне сосредоточиться не удастся, мысли мечутся от Мазитова к Женечке, от Вани к Суханкину, и всякий раз замыкаются на Аринке. Поведению Жени я очень быстро нахожу единственное объяснение, и решаю проверить его.

После лекции, едва прозвенел звонок, я хватаю вещи и быстро выхожу из аудитории, на ходу запихивая тетрадку в сумочку. Марька все еще упаковывает в пенал свою многочисленную канцелярию, и у нее нет возможности меня догнать. В коридоре я встаю у двери, притаившись за одной из створок, и пропускаю однокурсников, сама оставаясь незаметной. Едва в проходе показывается женин свитер молочного цвета, хватаю Лебедеву за рукав и вытаскиваю из-под защиты фрейлин. Она возмущенно ойкает, но потом видит меня и осекается. Фрейлины секунду стоят в замешательстве, но быстро принимают ожидаемое решение: бросить свою королеву на произвол судьбы. Ах, как же приятно думать, что я – судьба, и сейчас буду учинять произвол.

Мы стоим напротив друг друга, я все еще сжимаю в горсти рукав ее свитера. Она находит в себе силы возмутиться:

– Ты что, совсем того? – и выдернуть руку из моих цепких лапок. – Что вытворяешь?

– Поговорить с тобой хочу, – спокойно отвечаю я. Лебедева округляет глаза и как будто оседает.

– О чем это? – голос слегка хрипит и ей приходится кашлянуть.

– Что ты знаешь об аринкиной смерти?

Мой вопрос словно ударяет ее по лбу – она отшатывается. В какой-то момент мне кажется, что сейчас Женечка поскачет от меня, как испуганная газель, слышавшая в зарослях поступь львицы-охотницы. Но ни наш универ, ни даже этот город не похож на бескрайнюю саванну, так что бежать ей некуда. До нее это постепенно доходит, и она приближается ко мне, сверля тревожным взглядом. Пытается понять, как много правды мне известно.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что ты видела ее в тот день, в воскресенье. Так ведь? Ты что-то знаешь, и я хочу знать, что именно!

Плохо, Настя, ой как плохо! Мы же с тобой полпары этот диалог репетировали и договорились, что не будем швыряться неопределенностями вроде «ты что-то знаешь», иначе она поймет, что это не более чем предположение.

Но, кажется, женин умишко не способен к аналитическому мышлению, по крайней мере, в данную минуту. Она бледнеет так сильно, что приходит мой черед пугаться – вдруг она сейчас рухнет в обморок? И мне придется тащиться в медпункт аж на первый этаж.

– Я.. я... – лепечет она еле слышно, – ничего не видела. Я не могу ничего сказать. Пожалуйста, – ее голос звучит умоляюще и что самое странное – искренне, – пожалуйста, оставь меня в покое.

Она пятится назад, словно желая убедиться, что я не брошусь на нее с победным

криком, и через пару шагов разворачивается и уходит нетвердой походкой.

«Пожалуйста, оставь меня в покое» – так и шелестит в моих ушах. Она сильно испугана, и мне ее даже жаль. Я, кажется, знаю, что она видела, но выбить из нее подробности не помешает. Ей все равно негде скрыться, так что я еще вернусь, Женечка Лебедева.

Как же круто ощущать себя угрозой.

***

Когда я прихожу домой, то время уже приближается к четырем часам.

Мамы нет, может, ушла в магазин, может – к соседке. Переодеваюсь в спортивный костюм, перешедший в разряд домашней одежды, натягиваю на голову тонкий капюшон – в квартире снова ужасный дубак. Ловлю отражение в зеркале и нахожу, что оно трагикомично: к капюшону серой спортивной кофты пришиты длинные заячьи уши, нежно-розовые внутри. Глядя на собственный образ, думаю, что он отражает теперешнюю суть: меня как будто вывернули наизнанку: из девушки с душой ребенка я слово превратилась в уставшую потрепанную судьбой сорокалетнюю разведёнку с внешностью тинейджера.

Ставлю на плиту чайник и сажусь на любимое место у окна – то самое, где я сидела, замахивая рюмки, пока тело Аринки остывало в снегу у подножья Кричащей Башни. Это было позапрошлой ночью, а кажется, что прошла вечность.

Макс с фингалом, Дашка и пропавший дневник, свадебное платье, курьер в красной вязаной шапке, Ключница, баксы, кольцо с бриллиантом, аринкин список... Эта круговерть событий как будто затмевает взор и никак не дает мне разглядеть главное: Аринка умерла. Бесконечные встречи, загадки, вопросы отвлекают меня от самого важного – я просто не могу осознать, что ее нет, все кончено. Что я – снова! – выбита из привычного русла и выброшена куда-то за его пределы.

Время самых коротких дней в году. Мы постоянно бродим в темноте, в лучшем случае – в сумерках. Буквально два дня назад Аринка – живая, радостная и полная надежд! – вышла из дома и отправилась на свидание. Они должны были встретиться на аллее у Вечного огня – Свечки, как его называют местные. Что было потом, я точно не знаю. Она не писала мне смс, а звонить во время свидания ей, видимо, было неудобно, да я и не ждала. Самое важное мы всегда обсуждали лично.

Я предполагала, что мы встретимся в понедельник, она поделится со мной впечатлениями, мы сдадим зачет и примемся обсуждать планы на Новый год.

Намечалась большая вечеринка – других форматов празднования Аринка не признавала. Я тоже ждала этого вечера – мы должны были собраться у Ваньки. Не только мы вчетвером, но и большая компания их друзей. Никогда раньше я не была дома у Ваньки, меня охватывал приятный трепет от перспективы провести новогоднюю ночь в его доме и его компании. Рядом с ним. Предстояли приятные хлопоты – мы с Аринкой составляли меню, рассчитывали деньги, должны были приехать с утра к нему и заняться приготовлением салатов. Весь день хозяйничать на его кухне! Даже если в компании и были другие девчонки – разве превзошли бы они наши позиции хозяек праздника? Мы отвечаем за сервировку, за горячее, знаем, где взять чистые тарелки...

Я представляла, как Ванька заметит меня, покоренный моим аристократизмом и глубиной внутреннего мира.

Мой отец говорил, что аристократизм у меня в крови. Шутил, что таких как я в революцию расстреливали за один лишь излом бровей. Я же не вижу в себе особого изящества. По-моему, во мне пара килограмм лишнего веса, ноги коротковаты и форма глаз

далека от идеала. Всегда мечтала быть повыше своих ста шестидесяти трех сантиметров и весить не больше пятидесяти. Волосы, конечно, моя гордость – темные, густые, да и на свою мордашку в зеркале мне в основном приятно смотреть: карие глаза, пусть и не идеальной формы, но достаточно большие, округлые (невольно вспоминаю Мазитова и его обращение – кукла!), нижняя губа заметно толще верхней, отчего кажется, что я всегда чем-то обижена. Аринка говорила, что это мило.

Мечтаю и снова ухожу из реальности. Теперь Новый год я встречу дома, в компании матери, соседки и ее пятнадцатилетнего сына, который будет пялиться на мою грудь и переключать канал на какой-нибудь «Матч ТВ».

Пытаюсь сосредоточиться на Аринке, ее смерти и принятии, но мысли скачут, начинает свистеть чайник и вдобавок звонит телефон. Марька.

– Настя, привет! Ты чего так быстро из института убежала? – застрекотала трубка. – Мы с девочками хотели кое-что обсудить. Можно мы к тебе придем?

Невольно окидываю взглядом нашу убогую квартиру, и поймаю, какой диссонанс случится у девчонок, приди они сюда. Они привыкли думать, что я девочка из состоятельной семьи. Осколки былой роскоши в виде норковой шубки (когда я однажды явилась в ней в универ, это вызвало столько ахов и восторга, что Аринка со слезами на глазах умоляла больше никогда ее не надевать), последнего – пока еще! – айфона, платьев от дизайнеров, чьи имена мои одноклассницы слышали только в зарубежных фильмах создавали приятную для меня иллюзию. И она улетучится, как только они увидят, в какой обшарпанной клетушке я живу.

– Нет! – торопливо выпаливаю в трубку. – Я... мне сейчас неудобно. Скажи, в чем дело.

– Мы думаем, нужно скинуться на венки от группы.

Венок. Это такой овальный круг, с ядовито-яркими искусственными цветами. Это, по-вашему, нужно Аринке в день ее похорон. Глупцы. Аринка бы хотела, чтоб ее чествовали винишком и дискотеккой. Может, лучше скинемся на «мерло»?

– Хорошо. Завтра принесу деньги.

– Я уже ходила в похоронное бюро возле моего дома, там венки есть за тыщу рублей. Со всей группы это всего по полтиннику. И можно купить живую гвоздику – каждому по цветочку. В конце, на кладбище, когда уже гроб закопают, мы всей группой подойдем и положим на могилу.

Похоронное бюро, гроб, кладбище, закопают... От этих слов меня затошнило – в физическом смысле, и одновременно захотелось визжать. Только Марька с ее организаторским цинизмом могла додуматься узнать цены на венки в ближайшем похоронном бюро и придумать собственную церемонию на кладбище.

Я молчу, и Марька воспринимает это, как почтенное внимание с моей стороны, продолжая высказывать свои идеи. Хорошо, что они не пришли – скажи она это лично, я бы, наверное, ее треснула, и не раз.

Она уже староста, и ей не нужно для этого ничье благословение. Она выдает зачетки, она договаривается с преподами об автоматах для нашей группы, она собирает деньги на цветы для Аринки. Представляю, с каким удовольствием она ее хоронит.

«Хочешь быть замом, Марин? – звенит в моих воспоминаниях голос Аринки. – А я хочу новую юбку! Уже присмотрела, в «Фабрике», всего-то полторы тысячи!»

Наверное, в мечтах Марьки, в этой юбке Аринку и похоронят.

– Ладно, хватит! – останавливаю я ее довольно грубо. – Раз так охота – покупай этот

чертов венки! Сколько надо я отдам!

И бросаю трубку. Думаю, Марька разочарована, что я не приняла ее оливковую ветвь. Кажется, я продолжаю копить врагов.

Думаю о Марьке, ее желании быть старостой, и вспоминаю, что Аринки, кроме дневника был ежедневник для «старостных дел»: список группы с адресами и телефонами, имена и номера кабинетов преподавателей, темы семинаров и курсовых. Похожий был и у Марьки. Правда, она хвалилась, что его ей привез отец из Москвы. Под каким-то предлогом порывшись в ящиках приемной деканата, Аринка выяснила, что отец Чуркиной – большая шишка на местном нефтяном заводике, и что семья у них довольно богатая. Когда Марька в очередной раз намекнула, что хочет быть аринкиным замом, та прямо ответила: негоже мол, что у будущего зама есть кожаный блокнот не меньше чем за тысячу рублей, а у самой старосты нету. На следующий день Марька притащила Аринке ежедневник. Та фыркала, что ей не нравится цвет обложки. Вопрос с замом старосты оставался открытым.

Когда приходит мать, я понимаю, что в ее присутствии я просто не знаю, куда себя деть. Пока она готовила ужин, я мыла голову, смотрела в телевизор и всячески бездельничала. Из прострации меня выдернул мобильник – он затренькал, заставив меня вздрогнуть. Номер на экране мне не знаком.

– Алло?

Трубка тихо дышит мне в ухо.

– Алло!

– Настя, привет... – раздается далекий незнакомый голос.

– Кто это?

– Женя Лебедева.

Ага, не выдержала мятущаяся душа.

– Мы можем встретиться?

– Зачем? – говорю я.

– Надо кое-что рассказать. В общем, да, я видела Авзалову в тот день.

Мне даже не пришлось ее прессовать.

***

Женя назначила встречу в «Ямочках» – дешевой пиццерии, которая располагалась в длинном доме, соседствующем с Кричащей Башней. Рядом находился боулинг-клуб – одно из самых популярных мест у местной молодежи, аллея со скамейками, где тусовались те, у кого не было денег на боулинг, в общем, оживленное место города. Хочешь приключений – иди на Свечку.

Тень Кричащей Башни, кажется, покрывает весь район, и я затылком чувствую ее присутствие, когда вхожу в пиццерию.

Здесь серые стены, разрисованные ярко-красными губами, растянутыми в улыбке, диванчики, обшитые дешевым дерматином, три вида пиццы, посуда из «Икеи» и самообслуживание.

Мне не хочется тратить последние карманные деньги на порошковый чай и черствый кусок пиццы, поэтому, бросив взгляд в сторону витрин с закусками, я прохожу в зал – Лебедева уже ждет меня за столиком у окна. Хороший выбор, будь мы подругами, которые собираются сплетничать и хихикать. Но мы не подруги, и сидеть будем, как на арене: уже вечерело, а прямо за окном открывается вид на площадку перед Вечным Огнем и аллею. Если увидит кто из знакомых – потопнем в вопросах.

Сажусь напротив Жени и нахожу, что наша Барби выглядит отвратительно. Где старательная укладка и ободок с розовым бантиком? Блузка с отстегнутой верхней пуговкой и мини-юбка? Женя в том же наряде, в котором была в универе – джинсы и растянутый бежевый свитер. Волосы собраны в небрежную косу, перекинутую через плечо – похожую на колос из-за выбившихся прядей, торчащих во все стороны. Да, Лебедева перестала быть гламурной блонди, но теперь хоть похожа на живую девушку – милую в своей простоте.

Перед ней стоит белая чайная пара, из чашки выползает веревочка от пакетика. Самого чая почти не осталось, видимо, она пришла значительно раньше назначенного времени. На мое прибытие она реагирует нервным вздохом, как спортсмен, которому объявили, что подходит его очередь прыгать с вышки.

– Привет, – говорю я довольно миролюбиво. Жене от меня не отделаться, я уверена, что расколю ее, поэтому не вижу смысла давить с самого начала. Пусть немного расслабится, думая, что я ей друг. – Как дела?

Она быстро глотает осадок из кружки и смотрит на меня настороженно.

– Привет. Хорошо. Ты как?

Я пожимаю плечами.

– Завтра похороны, – говорю. – Ты пойдешь?

– Да, конечно. Все наши идут.

В первый момент я хочу возразить, что вряд ли соберется весь курс, но потом осекаюсь, думая: почему бы и нет? Что там курс – пол-института наверняка соберется. Это же Аринка. Скромные тусовки не для нее.

Женя медлит, болтая пакетиком в пустой кружке.

– Ну, – перехожу я к делу. – О чем ты хотела поведать? Я вся внимание.

Едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться ей и ее глупым тайнам в лицо.

– Ты знаешь, где была Авзалова в тот день?

Я раздумываю, как лучше ответить, чтобы не спугнуть.

– Ну, допустим, имею кое-какие соображения.

– Тогда ты меня поймешь, – Женя поднимает на меня взгляд, и я немного теряюсь от холодной пустоты, поселившейся в ее глазах. – Я ни одной секунды не жалею, что она умерла. Будь уверена – как только ее закопают, я приду ночью на кладбище и станцю джигу на ее могиле.

Между нами повисает молчание. Не выдержав тяжести взгляда, я отпускаю взор блуждать по крапинкам на столешнице. Что ж, в конце концов, у Лебедевой есть право ненавидеть Аринку.

– Одного не пойму, – говорит Женя. – Почему она покончила с собой? Это все как-то не вяжется.

– А что ты конкретно видела?

Похоже, Лебедева не так тупа, как я о ней думала. Плохо, Нагаева, плохо – нельзя недооценивать врагов. Женя, между тем, бросает на меня очередной уничижительный взгляд.

– Да уж видела, как она с моим парнем встречалась! И как он букет роз ей вручил, когда они встретились на Свечке! – тон злобный, но вижу, что она вот-вот расплачется.

Это правда.

Аринка встречалась с молодым человеком, которого Женя считала своим.

– В каком смысле он твой парень? – спрашиваю я с легкой усмешкой. Хватит, дорогая. Дала волю праведному гневу и будет с тебя. Знай свое место.

Она смотрит непонимающе.

– Что? Чтоб ты знала: мы с Радмиром встречаемся!

– Ну, насколько я знаю, он так не считает. С тех пор, как познакомился с Аринкой.

Праведный гнев потихоньку перетекает в бабью злобу.

– Да вы... Да ты... Твоя Аринка – просто шлюха! Я первая познакомилась с Радмиром, и мы начали встречаться. У нас все серьезно было!

– Было – ключевое слово.

Ладно, у меня нет цели доводить ее до истерики.

– Ты можешь спокойно рассказать, что произошло?

Она откидывается на спинку дивана и пару секунд задерживает взгляд на окне. Потом кивает в сторону аллеи.

– Вон там. Его машина там стояла, прямо у цветочного киоска. Я шла от бабушки и узнала – у Радмира единственной в городе такая тачка. Я встала у входа в боулинг и стала наблюдать. Вскоре явилась Авзалова – в своей розовой курточке...

Она пудровая!

– ... и юбке на пол-жопы. Он вышел из машины, вручил ей букет, они поболтали немного, потом сели в машину и укатили в сторону «старого города».

Жена прикрывает глаза рукой и шепчет:

– Сука.

Не буду уточнять, кто именно: Аринка, Радмир или я.

– Всё? – говорю. Она кивает.

– Значит, – медленно говорю я, – бабушка.

Женя смотрит на меня с удивлением, но я вижу, как сквозь него проглядывает мелкая врушка, пойманная на своем вранье.

– Какое удачное совпадение.

– Ладно! Это не твое дело, ясно? Даже если я за ним следила – имею право, он мой парень! – она давит на последние три слова, как на автомобильный клаксон.

Сложно следить за парнем, раскатывающим на машине, когда сама ты ходишь пешком. Но будь по-твоему, дорогуша, выясним это позже.

– Когда ты последний раз видела Радмира?

Она сверлит меня злобным взглядом.

– Какая разница?

– Большая! Ты видела его после Аринкиной смерти?

– Нет.

– Но при этом он твой парень? – не могу удержаться от насмешки. – «Мы встречаемся, у нас все серьезно!».

Кажется, она сейчас заревет.

– Мы не знали, что вы встречаетесь, – говорю я извиняющимся тоном. То ли мне ее жаль, то ли пытаюсь обелить Аринку, а значит, и себя. – Когда они познакомились, он сказал, что у него нет девушки.

В общем-то, так и было.

Женя кивнула:

– Я не хотела особо афишировать. Каждый раз стоит рассказать о каком-то нормальном парне – и как сама себя сглажу!

Только такая тупица, как ты, может верить в подобную чушь.

– Может, позвонишь ему? Аринки больше нет, и никто теперь не мешает вашим отношениям.

Женя смотрит на меня с недоверием. Зря, ведь как раз сейчас я говорю искренне.

– С ума сошла?! Да я с того времени спать перестала, хожу и оглядываюсь! Что, если Авзалова что-то сделала не так: нагрубилла или... послала его, и он её...

– Что? Спихнул с Башни?

– Тсс! В общем, не собираюсь я говорить, что что-то знаю! И тебе не советую. Свидетели долго не живут.

Женя устало откидывается на спинку дивана и трет висок.

Не представляю, что такого Аринка могла сделать, чтоб Радмир приволок ее из ресторана на общий балкон двенадцатиэтажного дома и хладнокровно сбросил вниз. От нарисованной воображением картинки меня бросает в дрожь.

Но пока он – последний, кто ее видел. Она ходила с ним на свидание – а потом погибла.

Я смотрю на Женю и не вижу в ее взгляде ни холодной пустоты, ни гнева, ни ненависти.

Один только страх.

И вот мы встретились. Я и Аринка.

Марька ревет, как ненормальная, цепляясь за мои руки и тычась в плечо отвратительно распухшим носом. Бесцеремонно отпихиваю ее и продолжаю оглядываться.

Мы сидим тут уже битый час, а осознание все не приходит. Аринкину смерть снова загораживает толпа народа и куча обстоятельств. Когда мы только зашли в квартиру Авзаловых, я на несколько секунд подошла к гробу и скользнула взглядом по кипе белых кружев (отмечаю, что платье – то самое, преподнесенное неизвестным дарителем) и меловым рукам, сложенным на животе. Дальше смотреть не рискнула. После мы с Марькой и другими девчонками из группы уселись на стулья, расставленные вдоль стены.

Комната, которая в квартире служит гостиной, почти неузнаваема: все отражающие предметы, включая телевизор, завешаны тканью, мебель сдвинута – чтобы освободить как можно больше пространства, но вскоре и его становится недостаточно, народ все прибывает. В углу напротив входа висит большое деревянное распятие, которое я раньше не видела, или не замечала.

У правой стороны гроба, спиной к нам, сидит Дашка с матерью. Дашка скулит, ее плечи вздрагивают, а тетя Наташа кажется изваянием – настолько она неподвижна.

Я вижу Макса – он стоит у левого края, лицом ко мне, и смотрит не на Аринку, а куда-то вбок, на ее плечи, там, где они касаются белой обивки. Его фингал под глазом аккуратно замазан, но все равно заметно. За Максом, держа в руках его куртку, стоит Ванька. Я видела, как он, входя в гостиную, стянул с головы шапку и, взглянув на распятие, дернул правой рукой, но тут же опомнился и сунул ее в карман. Теперь он маячит за Максовой спиной, точно тень, низко опустив свою светлую голову. Иногда он осторожно смотрит – влево, вправо, будто выискивает кого-то. Но вот находит меня, кивает и посылает такой стремительный взгляд, словно ему вот прямо сейчас, немедленно нужно что-то мне сказать. Но остается на своем месте и перестает озираться. Теперь он поглядывает в мою сторону, и всякий раз, как я утыкаюсь в его синий взгляд, у меня бегут мурашки вдоль позвоночника.

У Аринкиных ног, в почтительном отдалении от ряда родственников, стоит Женечка Лебедева в окружении своей свиты. Черное пальто выгодно подчеркивает ее белокурые волосы. Наверняка, стояла перед зеркалом часа три, придавая им эффект легкой небрежности. Из-за макияжа она, конечно, не может пустить слезу, поэтому Женя лишь грустно рассматривает Аринкино платье и иногда бросает на меня тревожные взгляды.

Мне кивает Дима Суханкин – серьезный и весь в черном, и пялится на меня довольно долго. Я отворачиваюсь. Стаканы воды, перешептывания, громкие всхлипывания Дашки...

И в центре всего этого похоронного хаоса – Аринка.

В центре комнаты и в центре внимания, как всегда. Мы же, все остальные – просто соответствующие декорации в спектакле, устроенном в ее честь. Главная роль всегда принадлежит Аринке. Даже сейчас, когда она умерла и лежит в гробу посреди комнаты. Аринкина смерть – не конец, а только начало драмы. Нам всем предстоит это еще долго расхлебывать. Аринка ни за что не уйдет со сцены просто так.

Я опускаю глаза, чтобы хоть немного передохнуть от этих бесконечных переглядок. На безымянном пальце правой руки – Аринкино кольцо. То самое, с рубином, которое я нашла в коробке. Хоть мне и не по себе, но я специально надела его утром – похороны собрали всех

возможных героев, игравших важные роли в Аринкиной жизни, вдруг кто-то узнает и выдаст себя. Я рассматриваю его с отчаянием и от души надеюсь, что оно подарено Максом. Надо будет обязательно пересилить себя, подойти к нему с каким-то пустяковым разговором (выразить соболезнования, после того, как он обозвал меня сукой и чуть не ударил, думаю, будет очень уместно, впрочем, мне плевать) сверкнуть кольцом перед его носом и посмотреть на реакцию. О, боже, пусть это будет Макс. Пусть он схватит меня за руку и злобно прошипит: «а ну быстро сняла кольцо, которое я подарил Ариночке!». Просто камень с души. Но я не верю больше ни в какие удачи. Кольцо не Макса, иначе с чего бы Аринке его прятать?

Листы блокнота перед глазами.

«Ваня Щербаков» – обведено в кружок.

– Настя, смотри! – шепчет Марька. От удивления она аж перестает надоедливо всхлипывать. Слежу за ее взглядом и утыкаюсь в особу, видеть которую здесь совершенно не ожидала. Сдерживаю стон отчаяния – только ее тут не хватало! Какого черта она приперлась?

Мнение Марьки совпадает с моим:

– Она-то зачем пришла?

Эта мелкая – объект нашего неприятного удивления – стоит у самого входа в гостиную, уткнувшись плечом в косяк, будто никак не может решиться войти. Она в тонкой кожаной куртке – совсем не зимней, голову скрывает капюшон толстовки, выпущенный наружу из-под ворота кожанки. Часть лица остается в тени, но я все же вижу клочок длинной челки и черные полосы, перечеркнувшие щеки. В отличие от Женечки, ей не страшна потекшая тушь. Мелкая тихо плачет. Она льет черные слезы и смотрит только на Аринку.

– Она же ее ненавидит, – говорит Марька чуть ли не в полный голос, и я резко тычу ее локтем в бок. Марька тихо охает.

– Что орешь? – раздраженно шепчу я. Нашла время и место произносить слово «ненавидит». Но я все же вновь согласна с Марькой, я понимаю, что она имеет в виду. Я тоже уверена, что мелкая в капюшоне терпеть не могла Аринку. По крайней мере, была уверена.

– Может, это слезы раскаяния, – шепчу я на ухо соседке. И добавляю про себя: ты же сидишь тут и льешь крокодиловы слезы, и Женечка нацепила постную мину и даже почти не накрасилась. И я не говорю вам: какого хрена вы приперлись, вы же ее ненавидите. Но да, удивление от прихода мелкой оставляет неприятный осадок. Меня бесит, что снова и снова всплывают какие-то факты, о которых я понятия не имею и все меньше ориентируюсь в происходящем.

Незаметно достаю телефон из кармана – время приближается к полудню, скоро будут «выносить». Понимаю, что остается последняя возможность. Несколько секунд не могу решиться, но все же заставляю себя встать и двинуться к гробу. Марька от удивления что-то крикает. Подхожу ближе – кто-то из Аринкиной родни услужливо отодвигается, меня видит Дашка и кажется, кривит губы в невольной улыбке. Она тянет меня за руку – и я оказываюсь прямо перед Аринкой, перед фактом ее смерти. Нас больше не разделяют люди и обстоятельства.

Я не узнаю ее. Мы ведь знаем людей по эмоциям, улыбке, выражению лица. Лицо мертвой девушки, лежащей передо мной, как будто стерто – никакого движения мыслей или чувств. Оно непривычное – Аринка никогда не красила губы такой морковной помадой, и упаси нас боже от розовых румян! Свадебное платье предусмотрительно закрытого кроя, но в

небольшом вырезе вокруг шеи я замечаю нитку фальшивого жемчуга и чуть ли не фыркаю.

Арин, ты должна встать и прекратить все это. И прежде, чем я успеваю что-то осознать, раздаётся мой голос:

– Арин, вставай.

Дашка взвизгивает от новой волны слез и вцепляется в мою руку, как хищник в жертву. Но по сладострастным рыданиям, я понимаю, что ей это нравится – упиваться своим и моим горем.

– Зачем вы ее так нарядили? Снимите этот дурацкий жемчуг! Я сама...

Меня уже не остановить, к тому же, я вообще, кажется, отделилась от тела и просто наблюдаю со стороны как кто-то в моем платье, фигуре и волосах запускает руку под Аринкину шею, находит застежку, перетягивает ее наружу, ловко отстегивает дешевую бижутерию и избавляет Аринку от этого старушечьего украшения.

– Не надо... – бормочет девушка в моих волосах и платье и передает жемчуг в ближайшие руки. – Это не Аринкин. Где ее любимая подвеска со звездочкой?

Вопрос задан Дашке, но она только ревет и пучит глаза.

Дашкины слезы каким-то немислимым образом начинают течь по моим щекам. Между тем девушка натягивает на ладонь край рукава моего черного платья и пытается стереть помаду. Но ядовито-яркий оранжевый цвет даже не размазывается по лицу.

Я начинаю выть от бессилья.

Кто-то оттаскивает меня от Аринки. Кто-то разворачивает лицом к себе и прижимает мою голову к мягкому темному свитеру. Я чувствую запах Ваньки и затихаю, как ребенок в крепких защищающих объятиях. Мы двигаемся к стульям у стены, кто-то дает ему стакан с водой, и он подносит его к моим губам. Я поднимаю голову и вижу. Да, это Ванька. Хмурый, но встретившись с моим взглядом, пытается улыбнуться. Самое удивительное – его ничего не смущает.

Я делаю несколько глотков из стакана и сажусь на свое место. Мне тут же становится холодно.

– Порядок? – шепчет он, касаясь моего плеча. Я киваю, не в силах что-либо сказать. Все, что мне хочется говорить, это «не уходи не уходи не уходи». Но он уходит, отдав стакан с водой Марьке.

– Ну ты даешь, Насть! – восхищенно шепчет Марька и допивает мою воду.

***

На улице пасмурно и тепло. Кажется, скоро снова пойдет снег. В такую погоду, когда воздух перестает стонать от мороза, а снег становится рыхлым и слегка подтаявшим, пахнет весной. Это странно – чувствовать весну накануне Нового года, января и крещенских морозов. Как будто бог напоминает о себе. Говорит, что не покинул еще эту землю.

Я стою чуть в стороне от подъезда и вдыхаю запах сырого тепла и капель, летящих с черных ветвей. Марька и остальные девчонки вышли еще раньше – вон, упаковываются в микроавтобус, предоставленный вузом. Они меня пока не заметили. Но блаженное одиночество длится не долго. Рыжий Дима Суханкин тут как тут.

– С кем едешь на кладбище?

– С одноклассниками. На автобусе, – кисло киваю на белый «Ивеко».

– Если хочешь, можно со мной.

Сперва порываюсь отказаться. Но представив, как я еду в тесном автобусе, беззащитная перед острыми клыками любопытствующих одноклассников, осекаюсь. С другой стороны,

мне не хочется, чтобы Ванька с Максом видели меня в компании Суханкина.

Кстати, где они? Ищу глазами и нахожу: садятся в ванькину тачку – серебристую «Камри». Ненавижу эту машину. С нее все началось.

Перевожу взгляд на Диму и киваю:

– Хорошо.

С удивлением отмечаю радость на его лице. Не представляю, что такого замечательного в поездке на кладбище в моей компании. Мы идем к его старушке-«шкоде», с которой я уже знакома. Садясь на переднее сиденье, я надеюсь, что Ванька меня не видит.

***

– Ну как ты? – участливо спрашивает он, на секунду оставив без внимания дорогу и бросив на меня взгляд.

– Нормально, – отвечаю я.

Кладбище находится за городом, причем за самым дальним его краем. Суханкин сказал «возле Машзавода». «Машзавод» – это территория серых панельных девятиэтажек, торчащих недалеко от заброшенного машиностроительного завода. Я там бывала однажды. Район, который заселял когда-то угрюмый пролетариат, а нынче – самый «бандитский» и опасный район в городе. Не знала, что там раскинулось городское кладбище.

Какое-то время я ловила в боковом зеркале или на соседней полосе белый «Ивеко», а впереди однажды мелькнул серебристый хвост Ванькиной «тойоты». Но теперь в потоке машин, струящемся по самой широкой улице Арслана, мы все потерялись.

– Тебе вчера удалось поговорить с Максом? – спрашиваю я как можно небрежнее.

– Да, – Дима ухмыльнулся. – Он злой, как черт, послал меня на хер и пообещал набить морду при встрече. Хотелось бы знать, кто набил ему.

Мне тоже.

– Значит, он не ответил, видел ли Аринку в тот день?

– Ну что-то прошипел, что мол, знать ничего не знает. Не пойму только, что так психовать-то, если ты ничего не знаешь.

Бедный тупица-Макс. Качок и футболист, у которого все мозги утекли в мышцы. Видимо, есть какая-то правда, которая выставит его в стремном свете, вот он и старается защититься, как всегда – силой.

– В общем, пока мы по-прежнему ничего толком не знаем? – задумчиво бормочу я себе под нос. Дима улыбается и пускает в меня хитрый, но миролюбивый взгляд.

– Ага, значит, мы?

Ты не умнее Макса, приятель. Делаю вид, что смущена.

– Ну да, я, получается, тоже втянута в твоё расследование.

Ехать нам долго, в машине становится жарко, и я медленно расстегиваю куртку, стаскиваю рукава, выбираясь из нее, как бабочка из лопнувшего кокона. Моя возня привлекает Диму, я поправляю воротник и волосы, сверкая Аринкиным колечком.

На миг кажется, что он задержал на нем взгляд, но тут же отвернулся. Или просто зацепило внимание, или он что-то о нем знает. Продемонстрировать его Ваньке и Максиму я надеюсь, мне удалось, когда я снимала жемчуг с Аринки и пыталась стереть помаду с ее губ.

– Дашка так и не нашла дневник? – продолжаю я расспросы, надеясь, что усыпила его бдительность.

– Нет, ничего. Перелопатили всю тумбочку, прошлой ночью пролистали все тетрадки – хоть бы одна записка, хоть бы какая заметочка на полях... Но ничего. Аринка, кажется, и

лекции-то толком не вела, – он снова поворачивается и подмигивает мне. Сколько не создавай образ идеальной девушки, без твоего личного контроля обязательно всплывут какие-то грехи.

У кладбища мы вливаемся в вереницу машин, медленно ползущих внутрь сквозь ворота. Впереди замечаю Ванькину «тойоту», позади тащится автобус с институтскими. Наконец, широкая арка ворот проплывает и над нашей машиной, едем вдоль нестройных рядов могильных плит. На втором перекрестке Суханкин пристраивает «шкоду» на обочине, дальше нужно идти пешком. Выхожу на воздух, и уже на улице надеваю куртку. Не дожидаясь, пока выйдет Дима, смешиваюсь с толпой людей и иду в одну сторону с ними.

Кто-то обгоняет меня, автоматически бормочу ответные приветствия, но никто рядом не задерживается. Обнажаются факты новой жизни – я иду по ней одна. Толпа постепенно замедляется, но я пробираюсь вглубь и вижу, наконец, холм рыжей глины – Аринку похоронят прямо у края широкой кладбищенской аллеи. Толпа вокруг, кажется, заняла все свободное пространство. Удивляюсь, заметив священника, торопливо читающего молитву над закрытым гробом, различаю Дашку, тетю Наташу, Светку. Одногруппники, видимо остались позади, Ванька с Максом – тоже.

Когда гроб начинают опускать, я снова ощущаю, как силы покидают меня – с каждым сантиметром из моих ног, рук, век утекает по капле, оседая на землю, и мне тоже хочется сесть прямо здесь, на грязный декабрьский снег.

Гроб опустили. Все это время я жду, что меня начнут сводить с ума разные звуки: стук молотка, глухие удары земли о крышку, плач Даши или Аринкиной матери. Но ничего не было. На миг стало страшно – вдруг я лишилась всех чувств. Руки не чувствуют холода. Мне хотелось приложить ладонь к левому боку и убедиться, что сердце все еще бьется во мне. Что за бред.

Перед носом возникает головка белой гвоздики. Оглядываюсь – Марька. Тут как тут со своей дурацкой Церемонией Белых Гвоздик. Люди обходят яму в черной земле, каждый бросает в нее горсть. Я делаю пару робких шагов вперед, вытягиваю шею, но вскоре понимаю, что не смогу – панически боюсь поскользнуться и свалиться туда. Прости, Арин, я не отправлю тебе последнего земного привета. Аринкина мать берет ком, рыдая, подносит к губам, целует и нежно отправляет вниз – как будто это не мерзлая глина, а ее собственное сердце. В изнеможении закрываю ладонями лицо, тонкий листок гвоздики щекочет нос.

– Это все ты виновата, – шипит над ухом. Потрясенно отнимаю руки: рядом стоит мелкая в капюшоне. Черная тушь размазана по щеками, глаза горят ненавистью. Эмка-художница, вот как мы называли ее. Под таким же именем она записана в Аринкином блокноте.

– Твоих рук дело, – выдавливают она сквозь стиснутые зубы. – Как если бы ты сама толкнула ее.

– Отстань от меня, – бормочу я. Звучит довольно жалко, однако Эмка отстает. Уходит в толпу, растворяется позади меня.

Неведомо откуда материализуется рука Марьки, хватает меня за рукав и тянет вперед. Черед гвоздик настал. Мы толкемся у могильного холма, уже засыпанного цветами, как стадо баранов. Марька живо всех распихивает, таща меня за собой, как на буксире. Понимая, что наш внезапный штурм Аринкиной могилы вызывает у родственников и присутствующих недоумение, я готова сгореть со стыда. Протиснувшись, наконец, к ограде, неловко кладу свой цветок. Аринкина мама ловит меня и прижимает к себе. В груди начинает kloкотать, и,

уткнувшись ей в грудь, захожусь в порывистых рыданиях.

– Как же так, Настя? Зачем она это сделала? Скажи нам! – шепчет мне в волосы тетя Наташа. Я отстраняюсь, утираю ладонями щеки и молча трясую головой: не знаю.

***

Люди начинают расходиться после того, как Аринкин отец сказал всем присутствующим слова благодарности и пригласил всех на поминки – в какую-то столовку. А чего я ожидала? Что они закажут ресторан? Нет, Аринка явно не пришла бы в восторг от своих похорон. Только кого это теперь волнует, кроме меня.

Снова иду одна, разглядывая вытоптанную до асфальта дорогу под ногами. Какое-то время рядом болтается Марька, но видя мой решительный настрой на безмолвие, отстает. Поворачиваю на подъездную аллею, шагаю вдоль ряда машин. Я не знаю, с кем ехать в город, и в конце концов решаю отправиться на автобусе с институтскими, вон он, маячит почти у самых ворот, сливаясь с белыми сугробами. Впереди, в нескольких метрах от меня – машина Ваньки, они с Максом стоят около, Макс прикуривает сигарету, пряча огонек за ладонью. Замедляю шаг насколько это возможно, раздумывая, как именно мне пройти мимо них. Сделать вид, что не замечаю? Кивнуть? Остановиться для разговора? Но что именно сказать? Времени на решение не остается, они стоят прямо на моем пути. Наверное, лучше будет просто попрощаться на ходу и идти своей дорогой. Но Ванька смотрит мне в глаза и говорит:

– С кем едешь?

Я останавливаюсь и пожимаю плечами:

– На автобусе.

Ванька распахивает заднюю дверь:

– Садись, мы подвезем.

Не глядя на Макса, не помня себя от удивления, подхожу к машине и сажусь. Ванька улыбается, наклоняясь:

– Сейчас поедем.

И захлопывает дверь. В машине тепло и чисто, приятно пахнет освежителем. Радио тихо поет попсовую песенку. Повернув голову, вижу, что в машине я не одна. Рядом у правого окна сидит девушка.

– Привет, Насть, – говорит она. Я вглядываюсь в полумрак, созданный тонированными стеклами, и узнаю Риту Шарапову. В первый миг отшатываюсь, больше от возмущения, чем удивленная – какого черта она здесь делает?

Ритка – это Аринкина школьная подруга, и первое время мы тусили вместе, втроем. Ровно до того дня, когда Аринка узнала, что Ритка запала на Макса. После грандиозного разбора полетов, Шарапова ушла из нашей жизни – она училась в колледже, и даже случайно мы не пересекались. Я не видела ее до сего дня – по меньшей мере, три месяца.

Мысли вихрем закрутились в моей голове: скандал, который устроила ей Аринка, Риткины слезы и унижение, и – да, да! – она призналась, что любит Макса.

И вот она сидит в Ванькиной машине, позади места, куда вот-вот усядется Макс, и как ни в чем не бывало говорит мне «привет» – после того, как Аринку закопали в черной яме!

Я порывисто вздыхаю, не зная, как именно поступить: начать визжать в бешенстве или вцепиться ей в лицо.

Но пока я только сверлю ее взглядом, потом смотрю на Макса, курящего за окном, потом снова на Ритку – надеюсь, она прочитала все, что я секунду назад намеревалась ей сказать. А мальчишки тоже хороши – посадили меня к этой сучке, чтоб я, не успели Аринку

похоронить, почувствовала себя предательницей. Что обо мне подумает Аринка? Она бы на моем месте уже давно вытолкала эту дрянь из машины и прилюдно оттаскала за волосы!

Мне кажется, что Ритку немного смутили мои выразительные взгляды и порывистые вздохи. Она опускает голову и начинает теревить край шарфа, выглядывающий из-под черной куртки. В этот момент мальчишки садятся внутрь – Ванька за руль, прямо передо мной, Макс – на переднее сиденье.

Изогнувшись, Ванька смотрит на меня все с той же мягкой улыбкой:

– Ну что, поехали?

Я киваю, и мы трогаемся с места.

– Как себя чувствуешь, Насть? – Он ловит мой взгляд в зеркале заднего вида. Я бессознательно двигаюсь чуть правее – ближе к Ритке, чтобы оставаться в поле его зрения.

– Устала, – отвечаю.

– Понятное дело.

Макс ворчит, что он не помнит, когда спал последний раз, и я воспринимаю эту попытку вести светскую беседу, как знак мира. Ритка встречает с фразой о пользе успокоительных таблеток и начинает швыряться названиями и рекомендациями по применению. Как будто кто-то сейчас в состоянии что-то запомнить.

Я снова и снова ловлю глаза Ваньки в прямоугольнике зеркала. Вижу только его синие глазки, заключенные в рамку стекла – но по взгляду понимаю: он улыбается – мягко, ободряюще.

В голове начинается диалог.

Я: «Арин, оставь мне его, пожалуйста. Он добрый»

Аринка: «Пф! И что он тебе доброго сделал?»

Я: «Заступился за меня перед Максом».

Аринка: «Можно подумать! Ты и без Ваньки бы с ним справилась!»

Аринка (мягче): «Не раскисай, Насть! Не время терять разум и нацеплять розовые очки. Только этого нам сейчас не хватало!»

Голос Аринки в голове постепенно начинает напоминать мой собственный.

В следующий раз, когда Ванька смотрит на меня в зеркало, я торопливо опускаю взгляд.

– Насть, тебя в столовку отвезти? – спрашивает он. В окне мелькает город. – Ты идешь на поминки?

– Нет, – торопливо отвечаю я. – Можешь высадить на ближайшей остановке.

– А можно до дома довезу? – улыбается он. Ритка рядом тихо хихикает. Макс бормочет, что-то про холодные троллейбусы. Я киваю и чувствую, как розовеют щеки. Поправляю волосы, чтобы скрыть румянец, верчу башкой, типа, рассматриваю улицы. Тут же вижу ошарашенную Ритку – она не сводит глаз с моих рук.

Кольцо.

Я совсем про него забыла. Я-то ожидала, что в этот силок угодит кто-то из мальчишек, но ни Ванька, ни Макс и бровью не повели. Но Рита его явно узнала. Она поднимает взгляд и буравит меня круглыми глазами. Открывает рот, втягивает воздух, явно собираясь что-то сказать, но оглядывается на парней и тут же закрывает. Какое-то время мы пялимся друг на друга, не зная, что делать. В конце концов Ритка чуть заметно мотает головой, мол, не нужно, не сейчас. Мы поворачиваемся каждая к своему окну.

– Революционная, 7, – говорю я, когда Ванька подъезжает к кольцу. – Это возле остановки «Строительный колледж»...

– Я знаю! – отзывается Ванька. – Мы же как-то раз провожали тебя домой, помнишь?

После пиццерии.

Я-то, конечно, помню. Но это было один раз, и я не думала, что помнишь ты.

Уже поворачивая на мою низкорослую улочку – сплошные пятиэтажки – Ванька говорит:

– Насть, мы сегодня хотим сами помянуть Аринку, вечером. Не кашей и компотом, а так, как она того заслуживала.

Проведем обряд экзорцизма?

– Аришке больше нравилось мартини, – говорит Макс сдавленным голосом, но Рита снова хихикает:

– Точно-точно, и мягкий сыр!

– Короче, посидим тихо в каком-нибудь кафе, – продолжает Ванька. – Ты с нами?

Я растерянно молчу. Макс поворачивается и говорит:

– Само собой, она с нами. Она же лучшая подруга моей девочки. Да?

Я не слышу угрозы в его словах, но может, он просто Риту с Ванькой стесняется. Ну ладно, так или иначе, там я сумею поговорить с Риткой о кольце, да и поддатый Макс может, выдаст какую-нибудь интересную инфу.

«Ой, кому ты чешешь, дорогая! – язвит голос Аринки, так похожий на мой. – Ты босиком по снегу готова бежать ради этих синих глазок».

Блин, и возразить нечего.

Возле моего подъезда Ванька говорит:

– Заеду в восемь.

Я киваю, благодарю и выхожу из машины. В декабрьском воздухе пахнет весной.

Глава 8

Дома не могу найти себе места.

С порога я бросаюсь к окну в кухне, чтобы успеть увидеть серебристый хвост отъезжающей «камри». Чувствую, как колотится сердце, и пытаюсь осознать происходящее. Вечером я иду на свидание с Ванькой. Можно ли это назвать свиданием? Арин, и тут без тебя не обошлось – ведь по сути мы идем отмечать твои поминки.

Мама спрашивает о похоронах, отвечаю автоматически, ставлю чайник на плиту и лезу в холодильник рассматривать содержимое. Чем бы заняться до вечера, чтоб не сойти с ума от ожидания?

Попив с мамой чай с бутербродами, принимаю лучшее решение – лечь поспать.

Во сне Аринка хохочет мне в лицо.

Мы стоим посреди кладбища – но не в том месте, где ее похоронили, а в какой-то незнакомой мне части. Нас окружает толпа народа с цветами, венками и почему-то транспарантами (я силуюсь прочесть, что на них написано, но не могу), и я понимаю, что похороны – мои собственные. Аринка смеется и машет мне на прощание. Люди начинают подталкивать меня, уводить от нее, я поворачиваю и вижу черную прямоугольную яму у своих ног, и меня охватывает ужас. Лихорадочно пытаюсь тормозить ногами, но люди с цветами упорно толкают меня туда. Оглядываюсь, вижу Аринку, пытаюсь ухватиться за нее руками, отбиваюсь от черной толпы. Наконец, получается уцепиться за Аринкину руку, тяну ее к себе – и в следующую секунду в яму летит Аринка. На миг, прежде чем скрыться в темноте, она успевает послать мне укоряющий взгляд.

Просыпаюсь в поту и с трепещущим сердцем. Сажусь на диванчике в своем закутке – из-за шкафа льется свет торшера, тихо болтает телевизор. Тянусь за телефоном – время шесть часов.

После долгих раздумий и сомнений, которые мучили меня, пока я лежала в ванной, все-таки решаю надеть платье. Строгое черное платье-футляр, плюс тонкие колготки, сапоги на каблуке и шубку. На платье нет ни единого украшения или аппликации, так что выглядит оно вполне траурно. Шубка и каблуки, конечно, могут вызвать усмешку в глазах Ритки, которая поймет, что я принарядилась, ну и плевать. Выбор между мнением Ваньки и мнением Ритки, по-моему, очевиден.

Тщательно сушу волосы, разделив их на несколько частей, в конце концов, добиваюсь нужного эффекта – приемлемый объем, блестящие пряди лежат идеально прямо, без всяких волн и загогулин. Оцениваю получившийся образ: ну прямо как в стихах у Цветаевой! Юная трагическая леди. Тут же вспоминаю строчку целиком: «Вас, юная трагическая леди, никто не спас!»

Решаю быть оптимисткой. И тут же ловлю себя на мысли, что все эти два часа я ни разу не вспомнила об Аринке.

Ближе к восьми, полностью готовая, начинаю нервничать и ходить по дому – от окна кухни до зеркала в прихожей и к столику в своем закутке. Брызгаю духи, надеваю кольца, снимаю кольца, мажу руки кремом, надеваю кольца, разглядываю колготки на предмет затяжек, одергиваю платье. В десять минут девятого меня охватывает паника. А вдруг он не приедет? Вдруг все это была нелепая шутка, развод доверчивой Насти? Они дружно посмеялись надо мной – Макс, наверное, особенно доволен, а Ритка так вообще хохочет в

голос. Или у них поменялись планы, или только у Ваньки поменялись планы в отношении меня.

В очередной раз подойдя к окну, вижу у подъезда серебристую машину, и сердце ухает вниз. В ту же минуту раздается телефонный звонок. Он.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/386>